

ДОРОГА К ДОМУ

Вероника Черных

ИНТЕРНАТ 3.0

Дорога к дому

Вероника Черных

INTERNAT 3.0

«СИМВОЛИК»

2016

Черных В. Н.

INTERNAT 3.0 / В. Н. Черных — «Символик», 2016 — (Дорога к дому)

ISBN 978-5-906549-13-6

Четырнадцатилетний Денис Лабутин, одержимый страстью к компьютерным играм, рос эгоистичным, безответственным и бессердечным человеком, которому нет дела до других. Всей своей душой парень был погружён в виртуальную реальность, где чувствовал себя богом; ради неё он готов был пойти на всё, даже обокрасть родную мать. И чем дальше, тем хуже и лицемернее он становился. Но вот однажды Денис наябедничал на свою мать школьному омбудсмену Люции Куртовне Душковой, чем последняя, настоящая волчица в овечьей шкуре, и не преминула воспользоваться. Очаровав «крутого геймера» и вывернув наизнанку все факты, она добилась того, что сына разлучили с матерью и отправили в интернат, где царили порядки, достойные фашистского концлагеря. Однако, несмотря на все ужасы интернатской жизни и разлуку с матерью, именно там Денис поймёт, что такое настоящая дружба и любовь, впервые задумается о смысле жизни, поборет свою страсть к игре и станет настоящим мужчиной и воином.

ISBN 978-5-906549-13-6

© Черных В. Н., 2016

© Символик, 2016

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	24
Глава 6	29
Глава 7	33
Глава 8	37
Глава 9	40
Глава 10	43
Глава 11	50
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Вероника Черных

INTERNAT 3.0

Пролог

Светлейший Царь, Чистейший Паладин

Белое облако неприятно сереет, мрачнеет, и вот оно уже не облако, а комок блестящей сажи, который надвигается на Странника со скоростью сумасшедшего НЛЮ.

«А мы НЛЮ не боимся!» – злорадно хохочет Странник и слушает громкое злое эхо, которое не затихает, подобно обычному, а на самом громком звуке вдруг обрывается. И у Странника закладывает уши. Очень неприятно – не слышать, как несётся на тебя сгусток сажи... Нет, это не просто сгусток! Чёрное туловище, четыре лапы, мощный хвост... Что это?.. Головы нет! Безголовый пёс! Ой-й-й!.. Странник кричит и пытается упасть с неба, в котором только что купался, как в море. И не может. Никак. Завяз – и всё. Перед ним зависло в воздухе безголовое чудовище. Оно не дышит! Что ему надо?! В следующий миг Странник уже сидит на хребте собаки, и та с бешеной скоростью несёт его вниз, к зеленеющей, синееющей земле. Среди изумрудов лесов и сапфиров озёр Странник видит дыру. И как раз к этой дыре устремляется адский безголовый пёс! Он спятил, да?! Странник вопит что есть мочи, но не слышит своего крика: рот у него зарос шерстью. Шерсть есть, а рта нет. Нет!!!

Дыра приближается, и Странник видит, как она идеально кругла и черна без всяких компромиссов. Смердящий безголовый пёс падает в неё, и мрак поглощает обоих. Они разобьются! Разобьются! Но они всё падают, а дна не видно...

Вдруг безголовый пёс превращается в гроб, а Странник оказывается внутри него. Гроб уже не падает. Он стоит на столе, затянутом в тёмно-коричневую ткань. Две свечи горят неестественным ярко-голубым светом. И Странник видит вокруг себя чудовищ, видит в мельчайших подробностях, и это мерзко. А самое мерзкое в них – это слюни и длинные бордовые языки, облизывающие зубастые пасти. Они все, похоже, надеются на сладкий ужин. А ужин – это он, Странник!

Нет уж! Обойдётся!

Странник выскакивает из гроба. В руке его возникает длинный-длинный меч, похожий на бич. Он замахивается на кровожадную толпу и несколькими мощными ударами разрезает чудовищ напополам. Падают кучи мяса; зелёная, красная, чёрная жидкость медленно истекает из тел и застывает, испустив дым. Наверняка вонючий. Но Странник запаха не чувствует. Что у него с обонянием, а?!

Ладно, плевать на обоняние с мраморного пьедестала.

Он бежит по коридору открывшегося перед ним подземного лабиринта. Длинный широкий ход, потолок теряется во мгле. Ответвление справа. Шевеление... и на Странника набрасывается огромный кабан. Шерсть сливается с чернотой пещеры, а вместо морды у зверя чело-веческая голова; изо рта клыки торчат, все в пятнах старой крови. Вместо хвоста у кабана на длинной шее другая голова качается. Красные круглые глаза на жертву лупятся. Но герой тут же взмахивает мечом-бичом и отхватывает у кабана переднюю голову. Снова кровь. И визг раненного противника. Кабан поворачивается к Страннику второй головой и щерит пасть. Недолго тебе скалиться! Вжих! И вторая башка сваливается в лужу крови. Кабан мгновенно начинает гнить, обнажая кости, а потом и вовсе растекается бесформенной массой по каменному полу пещеры. Что-то блестит среди жижи. Странник нагибается. Артефакт! Хрусталь-

ная подкова с рубиновыми вставками! Тяжёлая!.. И важная для новых поединков с нечистью. Наверное.

А теперь вперёд! И Странник устремляется вперёд, по гулким переходам древней пещеры. Ему кажется, что он бежит с длинной пологой горы. Куда он бежит?

ВНУТРЬ.

«Там, ВНУТРИ, В НЕДРАХ, на горе из человеческих голов, на троне из людей восседает Великое Зло, царящее над большими и малыми порождениями тьмы, – шепчет кто-то в голове Странника. – Одолеешь Зверя с шестью головами, шестью лапами, шестью хвостами и телом змеиным – всему миру поможешь. Освободишь всё живое от страха и зла – и станешь Светлейшим Царём, Чистейшим Паладином! И сможешь из дыры в небо подняться!»

Вот это цель жизни! За это Странник будет кулаками бить, ногтями царапать, зубами драть, когда всё оружие затупится, сломается и в пыль изотрётся! Никто ему не страшен!

...Долог путь до царства Великого Зла – Зверя с шестью головами, шестью лапами, шестью хвостами и телом змеиным. Охраняют его такие чудища, что страха не хватает их бояться, и столько их, что вечности не хватит с ними биться и рубить насмерть!

У одного – собачья голова с огненными глазами в полморды, с железными клыками; руки вытягиваются к жертве на несколько метров! А на руках – железные когти.

Другой – людоед, пожирающий всех, кто сбился с пути; худющий! И ненасытный. Кожа полупрозрачная, потому что изо льда. Жертвы сами к нему идут на свист, схожий с шелестом ветра. И Странник едва не погибает, да в последний момент окатывает людоеда магической жидкостью из волшебного рога. Так только жив остаётся... Не зря с собой он этот рог носил!

У третьего – муравьиное тело и голова ящерицы, а пасть такая огромная, что он чуть Странника не проглотил, когда длинным тонким хвостом сбил его с ног. Но не проглотил: не успел и сдох, побеждённый смелым героем! А Страннику досталась прозрачная медуза.

Затем – призраки; души непогребённых убитых, души казнённых преступников, насылающие на живых безумие. Пришлось Страннику использовать магию на полную катушку – прочитать страшное заклятие для отпугивания привидений из свитка, который хранился у него в походной суме. И призраки ушли в стены пещеры, из которой Странник достал пару острых широких мечей.

А перед поворотом к логову Великого Зла, Зверя с шестью головами, шестью лапами, шестью хвостами и телом змеиным, встречает Странника армия страшных гибридов: людей с телами жаб, змей, осьминогов, червяков, рыб, крабов, ящериц, летучих мышей, стрекоз, сороконожек, бегемотов, леопардов, зайцев. Никого не жалеет Странник: так хочется ему добраться до горы из человеческих голов, Великое Зло истребить, стать Чистейшим Паладином, Светлейшим Царём всего мира!

Расчищает он себе путь и бредёт в месиве из мяса и костей прямо туда, где между рекой Огня и озером Лавы поднимается конус чёрной горы из человеческих голов, а на горе установлен громадный трон. На троне восседает огненное Великое Зло: глаза слепит, мужества лишает, силы вытягивает.

Слышит Странник слова насмешливые: «Убить меня пришёл, человечиска?! Один пришёл, не побоялся? На себя лишь надеешься, на себя уповаешь, себя за Героя считаешь?! Ну-ну... видали мы тут этаких... Героев-одиночек. Показать, где они? Вон, гляди, на краю Огненной реки копошится какая-то мелюзга...»

Глядит Странник, а там и впрямь суеются-прыгают на единственной ноге странные существа с рукой, торчащей из груди; посреди лица глаз, из темени торчит пук тёмно-синих перьев – будто гребешок петушинный. В руках у существ железная цепь из двадцати звеньев, и на каждом висят десятки красных ядовитых яблок. Подпрыгивают одноруко-одноногие страшили к Страннику, обступают его, грозят железными цепями обмотать, красными яблоками отравить. Но Странник чувствует себя непобедимым Героем: цель близка! Он накидывает магиче-

ский плащ и летит вверх, распахнув руки как крылья, а рёв опозоренных страшил, оставшихся внизу, сопровождает его до вершины горы.

Пылающий трон. В пламени корчатся люди, из которых он слеплен. Смотреть жутко, а глаз не отвести. Несколько лиц Страннику знакомы. Но они так искажены муками, что их едва можно узнать.

«Я вызываю тебя на поединок!» – изо всех сил кричит Странник.

Эхо ударяется о стены исполинской пещеры и тонет в море людских воплей. Оказывается, тут бесчисленное множество людей! Они покрывают собой стены, пол, потолок. Они пытаются выбраться на камни из Огненной реки и озера Лавы.

Змей-дракон хохочет. А у Странника слёзы жалости и гнева. Он поднимает пару длинных широких мечей и, пока Зверь хохочет всеми шестью головами, держась за чешуйчатый змеиный живот шестью руками, вонзает ему острия мечей в то место, где должно находиться сердце. Но у Великого Зла нет сердца, и Зверь хохочет ещё громче, издеваясь над Странником. Тогда Странник сходится с ним вплотную и режет его, рвёт, кромсает. Но тому – хоть бы что: ни царапины! В ярости, ослепляющей ум, в бешенстве, испепеляющем здравый смысл, в отчаянии, умерщвляющем веру, Странник кидается на Зверя, душит его в объятиях, поднимает и бросает в огонь у подножия чёрной горы. Напрасно: Великое Зло, всё так же насмешливо хохоча, выползает из пламени и взбирается на свой трон из человеческих тел (или душ?)... Странник пользуется всем арсеналом, добытым им в бою с чудищами Подземелья. Но ничто не помогает. А стать Светлейшим Царём, Чистейшим Паладином Страннику очень хочется! Помощь ли призвать?.. Но нет! Он же Герой-одиночка! Он сильнее всех, и никто ему не нужен, чтобы сразить врага!

И тут на Странника словно бы озарение находит. Он выхватывает из трона Великого Зла живое тело мальчишки со странно знакомым лицом. Тот едва успевает горячо прошептать: «Спасибо», как Странник изо всех сил бросает его вверх. Тело мальчика исчезает в открывшемся вдруг на мгновение ярком синем небе.

И вдруг Подземелье оглашает визг, пронзительно-тонкий, почти на уровне ультразвука. Это визжит и падает с трона вниз Шестизначный Зверь. Падая, он сгорает в чёрном пламени.

«Ты победил, Странник...» – слышит Странник его угасающий шёпот.

Он победил! Он теперь Светлейший Царь, Чистейший Паладин! Странник ликует. И в ликовании своём не видит, не ощущает, как остатки чёрного пламени подбираются к нему по камням и проникают в грудь, где бьётся сердце. Они распространяются по его телу, как инфекция, но так легкотечно и незаметно, что он не успевает насладиться своей истинной Чистотой, своим истинным Светом, как они уже не совсем чисты и не совсем светлы...

«Я Светлейший Царь! Чистейший Паладин!» – гордо провозглашает Странник.

Из тьмы и мрака, из огня и лавы к нему на поклонение выползают... монстры. Почему не Рыцари Света, не Прекрасные Дамы?!

«Ты наш новый Господин», – изрыгая пламя, говорит Победителю химера с тремя головами, спереди – львиной и козлиной, сзади – змеиной.

Прежде Странник осыпал бы её стрелами, протолкнул бы концом копья кусок свинца в глубину одной из её страшных пастей, и расплавленный в её огненном дыхании металл протёк бы в глотку, выжиг все внутренности химеры... Но теперь Чистейший Паладин не может этого сделать. Не потому, что он её боится, а потому, что она... своя! Теперь она не страшна ему, как и вся нечисть, собравшаяся его чествовать, потому что он – Хозяин их, а не враг! Драконы, змеи, мертвецы, скелеты, пауки, демоны, мутанты, зомби, чудища морские, болотные, лесные, воздушные, пещерные – все они отныне принадлежат ему, Страннику, они подвластны ему! Они выполняют любой его приказ, любое желание! Он – Властелин мира! Великое Зло! Шестиглавый, шестирукий, шестиногий зверь с человеческим телом и змеиным хвостом! Здорово повелевать! Здорово властвовать!..

Его трон стонет, плачет, скрежещет зубами людей, из которых слеплен. Но Властелину всё равно. Куда делись все его добрые чувства?!

Внезапно чудовища, гора, Огненная река, озеро Лавы белеют и растворяются в небытии, а сам Светлейший Царь, Чистейший Паладин лишается величия, грозной силы и власти и будто бы открывает открытые глаза.

...ЁЛЫ-ПАЛЫ! Вот он разоспался! И, главное, словно не сон посмотрел, а целую жизнь прожил. Обидно, что не свою. Чужую. Он хочет прожить её снова. И он знает где.

В компьютерном клубе...

Глава 1

Когда позарез нужны деньги

Денис Лабутин выскочил из подъезда и быстро огляделся: не идёт ли мать? Хотя чего глядеть? Она на двух ставках работает, дома только ночью бывает. Лафа! Делай, что хочешь. А в четырнадцать лет уже многого хочется.

В общем, опасности нет, пусто вокруг. Даже соседей нет поблизости. Сады, огороды, грибы, ягоды. У соседнего подъезда часто дышит, высунув фиолетовый язык, похожий на плюшевую игрушку чау-чау. Ему б с такой шерстью на полюсе жить, а он на Южном Урале, бедолага, парится. Рыжего чау-чау звали, как чай: Ройбуш. В паспорте значилось как-то по-другому, но хозяйева сократили аристократическое имя.

Сентябрьское солнце лежало на качелях, врытых в землю в незапамятные советские времена: Дениса тогда ещё и на свете не было, о чём он, впрочем, совсем не сожалел. Он сел на качели и принялся качаться. Он любил, чтоб высоко. А потом с самой вышины далеко спрыгнуть на землю. Класс! Но сегодня он раскачался, а прыгать не стал. Сидел спокойно, пока движение не прекратилось. Чау-чау Ройбуш, пыхтя, внимательно наблюдал за парнем. Денис слез с качелей, подошёл к псу – вылитому медвежонку, присел перед ним.

– Привет, Ройбуш. Как дела?

Собака на минуту спрятала в пасти язык, понюхала круглым чёрным носом протянутую руку. Отвернула пушистую морду, снова высунула язык.

– Ты чего, Ройбуш? Не признал, что ли?

Денис нахмурился и встал.

– Ну и ладно. Ещё цацкаться с тобой... Правду про твою породу пишут: самая глупая среди всех пород. Только и ценности, что шкура.

Он сунул руки в карманы джинсов и независимо зашагал прочь, убыстряя шаг. О Ройбуше забылось вмиг. Пёс переступил крупными лапами, поглядел вслед человеку и снова упёрся взглядом в качели. Сейчас он немного на них посмотрит и отправится гулять по соседним улицам.

Денис Лабутин почти бежал. Его подгоняла страсть. Ничего он не хотел, кроме как дать ей наесться. Он шёл, а в мозгу мелькали картинки новой компьютерной игры, описание которой вчера выложили в интернете. Вот это настоящий отрыв! Много из того, во что Денис играл прежде, просто фуфло, прошлый век.

Тут всё. Иная вселенная. Новые миры с триллионами жителей, которыми ты повелеваешь. Приключения, которых тебе никогда и нигде больше не испытать, только в вирте; освоение иных земель, иных пространств; сражения с самыми фантастическими существами. В этот мир можно погрузиться и представить себя демиургом, от которого зависят все – каждый в отдельности. И всё – каждое событие. Ты могучий герой! У тебя сила и магия! Ты убиваешь, награждаешь, воскресаешь и милуешь – по своему желанию, по своему представлению о справедливости. Это класс! Вот бы в жизни так, как в компьютерных играх: придумал – воплотил без особого труда, просто «мышкой» и клавишами. Кто ты, Денис Лабутин? Властитель чужих жизней! Не меньше!

Денис взлетел по ступенькам модернизированного крыльца, дёрнул стеклянную дверь.

– О, привет, Лабутин! – поднял на него голову парень за кассой. – Чё пришёл?

– Загрузиться, будто не знаешь.

Денис нетерпеливо оглядел помещение со столами и мониторами. Свободных мест было два.

– Деньги-то у тебя есть? – скучным тоном спросил парень. – В долг больше не сажаю. У тебя и так ДОЛ-ЖОК.

– Я знаю. Я тебе отдам, Кипяток. Честно. У меня есть. Вот. За долг и за сегодня.

Парень хмыкнул:

– Ну дела. Откуда деньги? Мать дала?

– Мать, – соврал Денис, сумев как-то не покраснеть и не опустить глаза.

– Мать так мать. Мне до фонаря. Иди, садись. Время засекаю.

В этот день Лабутин Денис, ученик девятого класса «А» средней школы № 68, бывший хоккеист, просадил в компьютерном клубе все деньги, украденные у матери. А она, между прочим, нелегко зарабатывала их: на двух ставках работала, чтобы прокормить себя и сына. Сливявший три года назад «почтенный» папочка деньги на алименты изо всех сил зажимал.

В девять вечера Денис очнулся и неохотно поплёлся домой. Он шёл не видя дороги. Перед глазами маячили ожесточённые битвы и трудные победы. Денис придумывал новые стратегии и тактики прохождения игры, пока его не стукнуло, что на завтрашнее посещение компьютерного клуба денег снова нет. А в долг ему Кипяток не даст стопроцентно.

Настроение у Дениса скисло. Он доплёлся до своего двора и минут пятнадцать раскачивался на качелях, глядя на окна своей квартиры. Мать не вернулась. Хватится ли она сегодня пропавших денег? И как выкручиваться, если хватится?

К своему подъезду протопал мягкими тяжёлыми лапами чау-чау Ройбуш. На Дениса глянул мельком и отвернулся. Сел у закрытой подъездной двери и уставился на неё: вдруг её кто понятливый откроет. Денис качнулся раз пять и остановился. Ройбуш всё сидел, ждал. Когда Денис открыл ему дверь, пёс с достоинством встал и прошёл в подъезд.

– Пока, Ройбуш, – попрощался Денис и ухмыльнулся вслед вихляющемуся тёмно-рыжему хвосту, который исчезал в полумраке подъезда.

Домой идти не хотелось, но что делать? Уроки не сделаны. Почти все. Опять до полуночи корпеть, а завтра глаза красные тарашить. Ну... на переменах поспит, ничего... Он медленно преодолел три этажа, зашёл в пустую квартиру, разделся, выпил воды и плюхнулся за стол. Химия... брр!.. Денис угрюмо открыл учебник и принялся зубрить. Ум в школе мало приветствовался, только память. А на память Денису Лабутину смешно жаловаться. По крайней мере, когда-то было смешно. Пока на компьютерные игры не подсел.

Мама стукнула дверью, когда у Дениса безнадёжно слипались глаза. Она заглянула к нему в комнату.

– Привет, Денечка. Что не спишь?

Голос усталый, но живой, ласковый, даже вдруг всплакнуть захотелось. Но Денис подавил девчачий порыв и глухо ответил:

– Уроки делаю.

Мама подошла к нему на негнущихся ногах, прижала к себе, поцеловала.

– Поел что?

– Ага.

– Ну ладно.

Она помолчала. Вздохнула. Отпустила сына и зашаркала на кухню ставить чай. Денис поплёлся следом. Есть хотелось, а то бы он не посмел сесть рядом с матерью, которую сегодня обокрал.

Говорят, потом стыд проходит. Смотрят же без сострадания и чувства вины на своих жертв мошенники и убийцы, смотрят нагло, да ещё издеваются. Но вот Денис копается внутри себя, а никакого стыда не находит. Только страх – что будет, когда мама узнает о краже денег, и сможет ли он завтра играть в компьютерном клубе? Последнее его волновало больше, чем первое.

– В школе-то как? – мягко спросила мама. – Успеваешь? Ещё не шибко загружают?

– Пока нет, – глядя в чашку с чаем, откликнулся Денис. – Нормально всё.

– Хорошо... Ну, а в секцию свою вернулся?

– Скажут, когда приходить, – соврал Денис.

– У тебя хорошо получалось, – вспомнила мама, – ты не бросай... Слушай, День, ты мне завтра таблетки купишь? У меня аптека ни в какое «окно» не вписывается. Я тебе напишу, какие надо. А деньги в комоде возьми. Сможешь?

Денис низко опустил голову к чашке и кивнул. Вот влип. Ни чай, ни горячие бутерброды с колбасой и сыром, что мама быстро запекла в микроволновке, не полезли в горло. Но он всё же затолкал всё в рот, запил, сжевал, торопливо сказал, что идёт спать, и ретировался сперва в ванную, а затем – на свою кровать, где тут же уснул, несмотря на ярко светившуюся в темноте проблему.

Он не решил её и утром, засовывая в рюкзак листочек с названиями лекарств. А как тут её решишь, если корни её сгнили и восстановлению – то бишь решению – не подлежат? Пфе! Проще всего, конечно, признаться и получить по шее... И сразу, и немного. Мама отругает, даст от души крепкий подзатыльник, и всё забыто. Почему же он этого не делает? Вот сейчас, сейчас, пока не закрылась дверь!..

Всё. Пора в школу. Когда ж она закончится, и можно будет тупо работать на непильном месте и геймерить в собственное удовольствие?!

Глава 2

Теперь родки – не авторитет

Повздыхав, Денис Лабутин поплёлся получать среднее образование, искренне не понимая – зачем, если есть на свете иной мир, не менее реальный – виртуальный, в котором он больше дока, чем в настоящем. В школе он отчаянно зевал и изо всех сил старался держать открытыми слипающиеся глаза.

– Лабутин! – вызвали его на первом уроке по биологии. – Что ты расскажешь о делении клеток?

Денис заторможенно встал, недоумённо пожал плечами.

– Ну-у... Клетки. Они в живом организме.

– Да ты что?! – удивилась учительница Ирина Степановна Микульская, которую за глаза звали Стёпой. – Неужели в живом только?! А в камне, значит, или в пластилине их нету, что ли?

Денис застопорился.

– Э-э... – промямлил он.

– Эпс! – прокомментировал кто-то в классе, и Лабутин показал за спиной кулак.

– Так. В живых организмах есть клетки. Очень интересно, – призналась Ирина Степановна. – Добавить есть что?

– Ну... Они делятся.

– Да что ты говоришь? Всё интереснее и интереснее! Делятся. И почему они этим занимаются?

– Почему?

Денис посмотрел в потолок, силясь представить себе сам процесс. Действительно, почему они делятся? Кто их знает... Может, им велели, вот они и делятся. Зачем человеку об этом знать? Он же всё равно видеть их не в состоянии. Не с микроскопом же электронным за пазухой ходить.

Денис шумно вдохнул, шумно выдохнул.

– Учил? – безнадёжно спросила Ирина Степановна и прицелилась в строчку в классном журнале.

Что тут скажешь?

– Учил.

– За старанье стробовать с потолка ответ – «пять», за информативность – «кол», за правдивость – «кол», за усердие – «кол», – оценила Микульская. – В сумме «два».

Денис состроил гримасу.

– Садись, – позволили ему, и он повалился на стул с мстительной мыслью: «Ну погоди, Стёпа-трёпа!»

Соседка по парте Надя Смирнина толкнула его локтем в бок. Он скосил глаза на исписанный листик из блокнота и прочитал: «Деник-веник, опять до ночи геймерил? Спятил?» Денис кисло улыбнулся ей. Надя училась на порядок лучше Дениса. Она росла в многодетной семье, и ей некогда было засиживаться в Сети или геймерить. Она привыкла заботиться обо всех, кто её окружает.

Сперва Денис, оказавшись с ней за одной партой и автоматически став предметом её опеки, раздражался, но через некоторое время привык. Надя заботилась о нём, как о непутёвом брате, а Денис покорно принимал её заботу, как от старшей сестры, имеющей на это право.

Надя что-то застрочила в блокнотике, потом подвинула его к Денису. Он прочитал: «Балбес, Деник-веник. Где чирики взял? У мамы?»

Денис стиснул зубы и не ответил. Чего отвечать? И так ясно.

Надя написала: «Как отдавать будешь?» Денис прочитал, пожал плечами. Откуда он знает?! И вообще... может, так пронесёт? Ну, поругает... Чего она ещё сделает?

На перемене, когда переходили в класс физики на втором этаже, к Денису пристал шустрый Вовка Ломакин.

– Деник, приветик. Опять спишь?

– Опять сплю, – неохотно отозвался Лабутин, шаркая ногами по линолеуму. – Тебе-то что?

– Ничё. Ты к этой... к Душковой сходи.

– К кому?

– К Люции, отчество не помню, немецкое какое-то. Она сама, наверное, немчура какая-нибудь, – протараторил Вовка Ломакин.

– А зачем мне к ней? – всё не понимал Денис.

– Так она ж теперь наш ом-дус-мен... – старательно, по слогам проговорил Ломакин, – или что-то вроде того.

– Чё? – скривился Денис.

– Я тебе повторять не буду, – выпятил губу Вовка. – Просто она защищает наши права.

– Да-а? – машинально пробормотал Денис.

– Да. Я хочу к ней сходить.

– Зачем тебе? – равнодушно спросил Лабутин.

– А что? Надо.

Они зашли в кабинет физики, бросили на парты рюкзаки. Вовка Ломакин продолжал:

– Я хочу на предков пожаловаться, – понизил он голос, хитровато поглядывая по сторонам.

– Зачем? – оторопел Лабутин.

– Они меня в музыкалку пихают.

– Ты ж с четырёх лет учился!

– Надоело! Не хочу! Сколько терпеть? Тьфу. Надоело валдаться. Все балду гоняют, а я как папа Карло... Во всех дырках пробка.

– Ну пожалуешься, и чего? – пожал плечами Денис. – Тебе скажут, что музыкалка – дело хорошее и твои родаки правы. Чего добьёшься-то?

– А я такого наговорю, что иголка погнётся, – усмехнулся Вовка Ломакин. – Предки так заотдуваются, что про музыкалку и вспоминать забоятся, в штаны навалят от страха.

И Ломакин скорчил злорадную гримасу.

– Ну наврёшь, а им-то что с того? – всё не понимал Лабутин. – Им-то больше поверят. Не знаешь, что ли, аксиому: взрослый всегда прав?

– Ничё он теперь не прав! – с торжеством возразил Ломакин.

– Ха, – не поверил Денис.

– Да честно!

Они сели за парты: Вовка позади Дениса. Стали вынимать из рюкзаков учебники, тетради, ручки. Ломакин вполголоса рассказывал:

– Теперь родаки – фуфло, не авторитет. Тебе если что не в кайф по жизни – пол, к примеру, отдраить или тарелку помыть, в шоп за едалом сбегать, бельё развесить, или тебе не купят чего хочешь – пусть пиво или сигарку, или запретят чего, или наругают за что – за драку, воровство, хамство – пофиг! Прикинь?! Ты просто идёшь к этой Душковой, делаешь несчастные глаза, возмущённое лицо, плачешься, как Пьеро, мажешь слюни...

– И?

– И донос пишешь! – прошептал Ломакин. Глаза его неприятно горели.

– И?

– А то – «и»! Им такого штрафа набурылят, такого нагрозят, что они тут же побегут и всё купят, и всё разрешат, и ваще отстанут!

Слушавшая вполуха разговор Надя Смирнина вдруг повернула голову к Вовке и резко сказала:

– И от родителей отнимут, в интернат упекут. Или в патронатную семью. Класс тебе, Вовочка, у чужих людей жить?

Ломакин прищурился:

– Откуда ты знаешь про семью?

– А у меня с подругой так вот недавно случилось. Она ом-буд-смену пожаловалась, что мать ей балдёжные штаны с топиком не купила. Тут же комиссия, родители в рёв...

Ломакин помолчал. Пожал плечами и под раздавшийся звонок произнёс:

– Зато предкам урок. Пусть знают, кто сильнее.

Открылась дверь, в класс зашла учительница физики Юлия Олеговна Глинкина. Пока она шла к столу и здоровалась, Ломакин успел бросить в спину Лабутину:

– Потом облизывать тебя будут с ног до головы. Не жизнь – малина! Делай, чего хочешь, и стражай Душковой. Всё в ажуре, Деник.

– Садитесь, – разрешила Юлия Олеговна, обводя взглядом класс. – Рада вам сообщить, что в конце этой четверти у нас будет олимпиада. Пока на уровне школы. Победители пойдут на городскую олимпиаду, а дальше «лестницу» вы и так знаете. А теперь проверим домашнее задание...

...за которое Денис Лабутин получил вторую двойку. Он рассматривал её в дневнике и удивлялся: что за день такой? Все прёподы на него взъелись. Неужто и на литературе вызовут? Бли-ин, и по русскому письменно ж задавали! А он протюкал!

После крепкой встряски на оставшихся трёх уроках Денис чувствовал себя таким же высушенным, как банановые чипсы, которыми его угостила Надя Смирнина. Затихло эхо пронзительного звонка, означавшего временную, до завтра, свободу, и к Денису подошёл Вовка Ломакин.

– Деник, ты созрел? – спросил он.

– Для чего? – хмуро отозвался Лабутин, мучаясь проблемой покупки лекарств без денег.

– Поканючить у Душковой? Погнали, у неё приёмный день.

Денис попытался представить, к чему может привести общение с пресловутым омбудсменом. Матери выпишут офигенный штраф, и ей придётся в никуда отдавать деньги, за которые она пашет на двух ставках с раннего утра до позднего вечера... Но зато из-за этой работы дома запустение, и за ребёнком никакого ухода, и материнской любви не видать. И по выходным тоже. Ему это надо? Он, может, потому и спустил все имеющиеся деньги в компьютерном клубе, что ему без неё скучно и он не знает, куда себя девать. Она сама виновата. Сидела бы по вечерам дома, сыном занималась... От скуки, между прочим, и на преступление пойдёшь, потому что это поинтереснее будет, чем дома углы сшибать шваброй или макароны варить.

Денис себя распалял-распалял, пытаясь подавить чувство вины, и в конце концов распалил. Потом вдохнул глубоко, выдохнул шумно и сказал Вовке Ломакину, ждущему от него ответа:

– Ладно, идём. Если что, обратно поверну.

– Точно! – обрадовался Вовка.

Ломакину очень хотелось пожаловаться омбудсмену на своих родителей – любящих, но держащих младшего сына в строгости, – да только он трусил: жаловаться ведь будет не на правду, а на ложь. Сойдёт? Не сойдёт? Вот в чём вопрос! С подельником врать легче. И нахальства больше. Потому Ломакин и вцепился в одноклассника клещом, чувствуя нутром, как клещ – кровь, вину сына перед матерью.

Они воззрились на аккуратную новенькую белую дверь с писаной золотом табличкой: «Омбудсмен Люция Куртовна Душкова, часы приёма с 7.45 до 16.00, перерыв на обед с 11.00 до 11.45. Добро пожаловать!»

Ребята всё внимательно прочитали один раз, потом второй. Вовка толкнул Дениса в бок:

– Вызубрил?

– Ага. А ты?

– А я и так помню.

Они помялись, преувеличенно внимательно разглядывая золотые слова.

– Ты первый, – выпалил Ломакин.

– С чего это я первый? – воспротивился Лабутин. – Чья идея, тот и первый, нечего на меня валить.

– Я в туалет хочу, – вывернулся Вовка.

– Так сбегай. А я подожду.

Глава 3

Какие они, эти омбудсмены?

Вовка с облегчением удрал в уборную и долго не возвращался. Денис, чертыхаясь и кипя от раздражения, отправился было за ним, но по всемирному закону подлости белая дверь внезапно распахнулась, и Дениса пристальным взглядом приковала к месту небольшого росточка, пухленькая, довольно симпатичная женщина в приталенном белом халатике. Круглое лицо с ямочками на щеках, голубые покрашенные глаза за стёклами модных очков, уложенные в причёску блёклые светлые волосы.

– А я всё думаю, кто там у меня под дверью, как заяц, шебуршит, – улыбнулась женщина, цепко всматриваясь в нескладного парня. – Заходи, милый, не бойся. Чаю с конфетами хочешь? Ты какие любишь – шоколадные или карамель?

– Шоколадные, – помимо воли вырвалось у Дениса.

– А лет тебе сколько?

Душкова мягко взяла его за плечо и, обнимая, ввела в свой уютный небольшой кабинетик с высоким окном.

– Четырнадцать, – прошептал струсивший Денис.

Люция Куртовна нажала кнопку на электрическом чайнике, и тот совсем по-домашнему загудел. На столе появились чашки, блюдце с конфетами, пакетики чая. Чуть в стороне на стол лёг лист бумаги с авторучкой.

Денис следил за спокойными движениями женщины, слушал её несколько монотонный голос и успокаивался сам. Чашки наполнились горячим напитком, и Денис принялся дуть на белый парок.

– Бери конфеты, Денис, кушай, – радушно предложила Люция Куртовна. – У тебя уроки кончились?

– Ага.

– Хорошо прошли?

– Не очень.

– Что, двойку получил? – посочувствовала Люция Куртовна.

– И не одну, – печально вздохнул Денис. – Не успел вчера домашку... ну, домашнее задание подготовить.

Денис вспомнил, по какой причине он не сделал вчера уроки, и наклонил голову, чтобы скрыть покрасневшее лицо.

– А что тебе помешало? – участливо спросила Люция Куртовна.

– Ну, всякое...

– Тебя дома заставляют полы мыть, посуду?

– А как же, – кивнул Денис.

– А ещё что ты делаешь?

– Ну... уборка... магазины... мусор выбросить, – с длинными паузами перечислил Денис и глянул исподлобья на омбудсмена.

Улыбка на гладком лице не исчезла. Рука черкала что-то на листке бумаги – не всерьёз, а словно от нечего делать.

– И нравится тебе всё это? – спросила Люция Куртовна.

Денис пожал плечами.

– А кому нравится? Обязан, и всё.

Душкова вздохнула и покачала головой.

– Понятно... Ты ешь конфеты-то, ешь. И чай пей, не стесняйся. Я тебе ещё налью.

– Спасибо.

– А папа с вами не живёт?

– Не. Чего он с нами забыл? У него молодая богатая «тёлка». Хотя, бают, она от него тоже ушла. Он в кайфе. А с нами ему неинтересно.

– Почему ты так думаешь? – ухватила Люция Куртовна. – Ты ж его родной сын.

Денис помолчал. Отец-предатель не расщедрился даже в особых случаях – когда сын болел или срочно требовалось что по учёбе или в хоккейной секции. Он вообще предпочитал не общаться ни с бывшей женой, ни с сыном. В праздники не звонил, а день рождения сына вспоминал лишь после звонка мамы Дениса – Зинаиды.

– Он нас не любит, – наконец ответил Денис.

Люция Куртовна всплеснула руками.

– Как ты можешь так говорить? Он твой отец!

– Ну и что? – сумрачно буркнул Лабутин. – Родителям детей любить не обязательно.

– Откуда ты это взял?

– Оттуда. Из жизни.

– Любил бы – не ушёл бы? – догадалась Душкова.

– Типа того.

– Ты пей чай-то, пей. Давай подолью.

Она встала, подлила в Денискину чашку кипятка, убрав старый пакетик, макнула новый.

– Ну а мама тебя любит, как ты думаешь, Денис? – осторожно спросила она.

– Ей особо некогда слюни размазывать, – махнул рукой Денис.

– Вот как...

Ручка заскользила по бумаге.

– А чем твоя мама занимается после работы?

– Ну, чем...

Как наяву, Денис увидел маму, едва передвигающую ноги и отлёживающуюся перед тем, как идти готовить ужин.

– Отдыхает, – сказал он. – Чего ей ещё делать? Ужин приготовит, поедим... и всё.

– Вкусно готовит?

Денис вздёрнул брови.

– Да так... не сказал бы, что шибко вкусно... Не как в ресторане, понятно.

– А уроки она у тебя проверяет?

– Да нет...

– Ну, а вот если что-то сложное попало, она тебе помогает решить?

Денис усмехнулся. Сейчас такие информативные предметы, что никакой взрослый не сможет помочь ребёнку в приготовлении уроков. Он в состоянии только спросить, выучены они или нет, и заставить сесть за учебники.

– Нет, не помогает, – твёрдо ответил Лабутин.

– Понятно... А увлечения у тебя какие-нибудь есть?

– Чего?

– Хобби.

– А... Ну... в компьютерные игры там... вообще улёт... – спотыкаясь, сказал Денис.

– Получается?

– Ну... получается. Вообще клёво.

– А чем тебе нравится?

Денис ненадолго задумался.

– Героем себя чувствуешь. Сильным. Ловчее всех. И всех мочить надо. Чем больше замочишь, тем круче. Всех сделаешь – герой. Истинный геймер.

– А ты – истинный геймер? – полюбопытствовала Люция Куртовна.

– Ну.

– М-м? Значит, ты себя радуешь всё-таки? – улыбнулась Душкова.

Денис прислушался к своим ощущениям.

– А чё? Пожалуй, радую, – спокойно согласился он. – Это кайф. Кайфовее только «дурь».

Но от «дури» реакция тупеет. Не по мне.

– А кушаешь вдоволь? Вовремя?

– Ну... бывает, и вдоволь. Бывает, и вовремя, – неохотно ответил Денис, для которого еда была делом совершенно неважным в этой жизни.

Душкова что-то отметила на листочке.

– Так-так... – пробормотала она. – Очень интересно... А мама твоя как относится к твоему хобби?

– Ругает, – лаконично ответил Денис.

А как она могла относиться, если игра затмевала сыну всё? Конечно, плохо относилась. Играть запрещала, беседы проводила, наказывала. Не говоря о том, что не давала ему денег на компьютерный клуб и приходилось вертеться, чтобы их тайком добыть. Хорошо ещё, что она не знала, что он в этот клуб всё-таки ходит: думала, он гуляет с друзьями или в секции занимается... А он часы просиживал за монитором и просаживал все карманные деньги! И не карманные тоже... Украл же он мамину зарплату, чтобы отдать Кипятку долг... Между прочим, однажды из-за долга Дениса даже поставили на счётчик, и он едва выпутался, отдав мамини маленькие золотые серьги, которые ей дарила бабушка на шестнадцатилетие и которые она давно не носила. Кстати, когда она и это обнаружит...

Денис мгновенно похолодел. Люция Куртовна остро посмотрела на него:

– Ты маму боишься, Денис.

Парень поёжился.

– Её не забоишься! – вырвалось у него.

Как заревёт, запричитает, поучать начнёт... Хоть подушкой уши затыкай.

– Она тебя бьёт?

– Бьёт.

А то нет! Как отвесит оплеуху, зазвенишь, будто колокол! Правда, бывает это редко – когда сын совсем мать из терпения выведет. Маленького в угол ставила. А кого не ставят? Посопишь, уткнувшись носом в обои, сопли поразмазывается – и прощён. Подумаешь, наказание...

– Ну, а технику она тебе покупает? Сейчас без современных средств информации и связи ни один человек прожить не может, согласен?

– Я-то согласен... А она – ага, щас, купит тебе... лучше отлупит... Комп допотопный, мобильнику три года уже... Ни планшета тебе, ни смартфона, как у всех нормальных людей. «Про айфон и думать забудь!» – говорит.

– Бедный ты, бедный, – вздохнула Люция Куртовна. – Чем же тебе помочь?... Ладно, я подумаю. Ты напился?

– Ага.

– Хорошо.

Она улыбнулась. Ямочки на круглых щеках добавляли её домашнему, вызывающему доверие облику оттенок чуть ли не материнского участия. Денис улыбнулся уже совсем не страшившей его женщине. И чего он её боялся? Поговорили... Похоже, она ему сочувствует... Между прочим, она вполне может защитить его от гнева матери, когда вскрыется кража. Эта тётка Душкова явно будет на его стороне!

– До свиданья, Люция Куртовна, – поднялся Денис.

– До встречи, до встречи. И не стесняйся: будут проблемы – приходи в любое время, я с удовольствием с тобой поговорю, помогу в любом конкретном случае.

– Спасибо.

И Лабутин вышел. Его ждал, переминаясь с ноги на ногу, Вовка Ломакин.

– А я тебя потерял, – шёпотом признался он. – Прихожу – пусто. Ухо прижал, а там голоса. Ну, думаю, влип Деник-веник.

– Я тебе не Деник-веник, – обрезал Денис. – И я не влип. Это ты влип. – И он щёлкнул Вовку по носу.

– Чё это я влип? – недовольно потёр нос Ломакин. – Ничего я не влип.

Дверь неслышно отворилась, и девятиклассников озарила широкая лучезарная улыбка.

– О, да тут ещё посетитель! – обрадовалась омбудсмен. – Тебя как зовут, мой мальчик?

Она взъерошила Вовке чёрные вихры.

– Твой друг, Денис?

– Одноклассник, – коротко ответил Лабутин. – Ну пока, Ломакин.

И он с лёгким сердцем выскочил из школы на улицу. Весь мир теперь казался ему цветастым, и он перестал бояться реакции матери. Ну поругает, ну накажет... Так ведь отныне он защищён! Она и пальцем его не посмеет тронуть, потому что он может пожаловаться на неё омбудсмену и ей кранты! Теперь он может геймерить сколько влезет! Дни и ночи напролёт.

Это его мир, его вся по капелькам капающая жизнь, которую он потратит на самое лучшее – пребывание в прельстительной, захватывающе фантастической виртуальной стране. И он, Денис Лабутин, не позволит матери лишиться его смысла существования. А этот смысл – в игре.

Где бы теперь деньги взять? Хотя... Можно скачать кое-что бесплатно из интернета. Можно в онлайн-игру поиграть... Хотя нет: кроме пробника все они либо с донатом, либо с подпиской – по-любому чтобы нормально играть, «бабки» нужны. Подписка у него давно кончилась, денег на счету не было. Что же делать?.. Точно, можно у Брюханова прогу для взлома одной игрушки выпросить – он говорил, что достал недавно. Так. Матери нет – уроки побоку.

Он зашёл к знакомому геймеру Брюханову, у которого в Сети был ник Брюха, и стал клянуть прогу. Брюха, тощий парень с длинными волосами, перекрученными в «конский хвост», особо не разглагольствуя, сунул ему флэшку. Не сказать, чтоб они дружили, но в одной многопользовательской командной игре они входили в один клан, выступающий против группы других объединённых геймеров. Как зовут их противников в реальности, они не знали и не хотели знать.

Лабутин слышал, что недавно подобная им когорта встретила в кафешке, чтоб познакомиться поближе, и слово за слово – затеяла драчку; одному парню так вдарили, что в реанимацию отвезли, и он там окочурился. А всё оттого, что они себя с героями игры отождествляли. Герои – враги, и они тоже стали врагами, хотя никогда друг друга не видели, не общались и не знали, кто что из себя представлял. Получилось, не живые люди отношения выясняли, а виртуальные персонажи – их мозгами и руками.

Ну, конечно, Лабутин с Брюхой до такого не дойдут. Чтоб так закомпостироваться, надо в компьютер погрузиться полностью, насовсем. А у Лабутина с Брюхой есть пока мелкие радости в реальности, которые на плаву держат.

– На, – сказал сутулый Брюха. – Подробная инструкция там же. – Он поглядел в окно. – Как там погода?

– Солнце.

– Класс, – равнодушно отозвался Брюханов.

– Сходил бы, проветрился, – посоветовал Лабутин. – А то зелёный, как трёхдневный мертвец.

Брюха погладил землистое лицо, пожал плечами.

– Ну, у меня там как раз острый момент. Пока. Дверь захлопни.

– Пока.

Прога оказалась проста в использовании, и с помощью неё Денис легко вскрыл игру. Он начал играть в четыре часа дня и резался до позднего вечера, пока не вернулась с работы измученная мама.

– Уроки сделал? – спросила она, целуя сына.

– Сделал, – соврал Денис.

– Лекарство купил?

Денис поперхнулся.

– Тьфу ты! Забыл! Столько уроков!

Он стукнул себя по лбу и умоляюще посмотрел в серые, как у него, глаза.

– Я завтра куплю, честно слово, мам!

«И не покраснел...» – подумал он про себя, отводя бесстыжие глаза.

– Поел хоть что? – спросила мама, открывая холодильник.

– Так, перекусил.

– Сейчас сварю что-нибудь...

Она закопошилась на кухне. Алгоритм известный: поел, умылся, спать. А уроки завтра утром перед школой. И в школе, на переменах. Не впервой, в конце концов.

Совість сегодня Дениса тревожила меньше. Вместо этого перед глазами крутились картинки из игры, новые победы и трудные задания, которые он смог выполнить. Сегодня он достиг приличного уровня мастерства в игре. Это класс. Достижение. Ему хотелось поделиться этим с кем-нибудь, но с кем? Не с матерью же. С Брюхой? Точно. Завтра он свяжется через «ВКонтакте» с Брюхой. Брюха его, как никто, поймёт, ведь они как две фары на одном «фольксвагене»... на «фольксвагене»...

И Лабутин уснул.

Глава 4

Крутой геймер

Пробуждение было неприятным. Мама залезла в комод, чтобы взять немного денег на продукты, и обнаружила пустоту.

– Денис! Где деньги?

Денис проснулся в момент. Сердце его заколотилось, пойманное, как бабочка в сачок. Ну всё.

– Тут была зарплата почти за весь месяц! Куда она делась?! Ты взял? Ты? Отвечай!

Соврать, что ни при чём? Денис прикинул правдоподобность этого утверждения, и отказался от мысли пробубнить, что он «ничего не видел, ничего не знает, а вдруг это кража?»

– А чё? – буркнул Денис.

– Ничё! На что жить будем две недели? На воздухе?! Ну, рассказывай, на какие шиши я тебя кормить буду?

И она шлёпнула сына по рукам. Тот вскочил и забегал, уворачиваясь от маминых подзатыльников, а потом заперся в ванной.

– Открой сейчас же, паразит этакий! Я тебе всыплю, недоумку! Я в тебя науку жизни с солью вотру! И как только додумался наши собственные деньги украсть! На что ты их истратил? На что? На игры твои треклятые?! Где твоя башка ходит?! Ты не в компьютере живёшь, а в реальном мире, представь себе!

Она дубасила в дверь, и Денис боялся выходить. Наконец громыханье и крики прекратились. Довольно спокойным голосом мама произнесла:

– Выходи. В школу опаздываешь. Одевайся и уходи. Вечером более плотно пообщаемся.

Денис скоренько умылся, вытерся, тихонько отпер дверь. Мама возилась на кухне, стоя к нему спиной. Денис хотел проскользнуть мимо, но она внезапно повернула к нему хмурое лицо. От неожиданности Денис резко повернулся и крепко ударился предплечьем о ручку двери.

– Айй-йй, – прошипел он, потирая изо всех сил ушибленное место.

– Что, попало? – без всякой жалости спросила мама. – Это от тебя Ангел-хранитель отошёл. Иди ешь.

– Не хочу, – гордо буркнул Денис.

– Я тебе по загривку твоё «не хочу» размажу, как масло массажное, понял?

Денис прошептал неслышно: «Да иди ты!», а вслух сказал:

– Не имеешь права!

– Чего?! – вскинулась мама.

– А того, – набравшись наглости, выпалил Денис. – Я в суд могу подать, и меня защитят! А тебя к ответу призовут!

Мама ахнула.

– Что?! От чего защитят? За что к ответу призовут? Ты сам понимаешь, что говоришь?! Брысь завтракать и в школу! Я просто убита...

Омертвелый взгляд, скользящий мимо сына, испугал нахулиганившего парня. Он беспрекословно съел яйцо, кашу, бутерброды с сыром, выпил чай и, сопровождаемый материнским безмолвием, прошмыгнул в дверь и побежал в школу.

О эта противная школа!!! Зачем она вообще есть?! Он бухнулся за парту кулем каменного угля.

– Ты чего с лица спал? – недоумённо спросила Надя Смирнина. – Опять в игре зависал?

– Ты бы знала в какой! – вздохнул Лабутин. – Мне Брюха вчера «вскрывалку» дал. Тут к нему Вовка Ломакин подлетел, и Надя ничего сказать не успела.
– Слушай, Деник, а меня Люция Куртовна на полдник схавала. Я ей такого порассказал – у-у!

Надя покрутила пальцем у виска:

– Сдурел?! У тебя ж нормальные родители, ты чего с ума сходишь?

– А пусть не балуют! – с вызовом ответил Вовка. – Мне мать курить запрещает, а отец скейт не покупает. Надоело!

– Курить вредно, а скейт у тебя и так есть, – заметила Надя.

– А новый хочу, навороченный, и всё!

Грянул звонок. На последних его отзвуках Надя успела фыркнуть вслед Вовке:

– Ну и дурак же ты, Ломакин. Тебе же хуже будет. – А соседка шёпотом спросила, кивнув на открытое предплечье: – Ты где это так ударился?

Лабутин скосил глаза, чтобы рассмотреть наливающийся на руке синяк, и поморщился:

– В дверь влетел. Сильно видно?

– Ну.

– Садитесь! – прозвучал начальственный голос математички. – Рада видеть Лабутина в летней футболке в этот чудный осенний день. Наука греет, Лабутин? Может, поделишься теплом своих знаний?

«Началось», – обречённо подумал Денис, но тут же понял, что ему становится всё равно, какая оценка закрасуется в его дневнике и в классном журнале. Закрасовалась «тройка с минусом»: оказывается, тему урока Денис немного знал и смог чего-то набубнить. А через урок, на котором «зелёные балбесы» впитывали крупницы литературной мудрости, его нашла омбудсмен.

– Здравствуй, Денис.

– Здравсьте.

– Говорят, у тебя синяк на руке, – озабоченно сказала Люция Куртовна и посмотрела на овал гематомы на Денискиной коже. – Ого! Кто это тебя? Когда?

– Да утром. Мать ругалась, а я тут... подвернулся как-то, – невнятно рассказал Денис.

– Почему она ругалась?

Удивительно задушевный голос омбудсмена растопил что-то в душе крутого геймера, покорителя чудовищ, вершителя судеб, и он, изо всех сил жалея себя за свой поступок, залепетал ноющим голосом:

– Она мне запрещала геймерить, от компьютера отгоняла, наказывала, я в компьютерный клуб хожу, там время платное, денег взял, а она вон... ругаться... и всё такое.

Люция Куртовна сочувственно притянула Дениса к себе, приобняла; чисто материнским жестом оправила его одежду, чтоб половчее сидела.

– Пойдём-ка скорее в медпункт, – ласково сказала она. – У тебя третий урок география?

– География.

– Я тебя отпрошу. Идём.

– А чё делать-то в медпункте? – попытался упереться Лабутин. – Подумаешь, синяк. И так пройдёт.

– Денис, не спорь. Синяк – это та же травма. Кровоизлияние в мышцу – что хорошего, скажи, пожалуйста? В общем, не спорь, солнышко. Взрослые иногда видят больше и дальше, чем дети... даже такие взрослые, как ты.

Убалтывая парня, омбудсмен потихоньку вела его по коридору, по лестнице, снова по коридору в медкабинет. Медсестра оглядела синее пятно на предплечье, помазала какой-то белой субстанцией, а потом записала в большую книжку лабутинские данные и «обстоятельства травмы в домашних условиях».

– Да зачем это? – недоумевал Лабутин. – Само пройдёт, не сахарный.

На урок омбудсмен его так и не отпустила. Увела в свой кабинет, чаем с конфетами наполнила. И всё расспрашивала, расспрашивала задушевно, как Денис живёт, о чём думает, о чём мечтает, что у него за игры и какая из них ему больше всего нравится.

Денис, разнежившись от внимания, болтал напропалую. Особенно о своих играх – о том, что заполняло его всего, с ног до головы, и требовало его всего, без остатка, не оставляя в душе места для любви и сострадания.

Распалившись от собственного описания игры, Денис аж пальцами забарабанил по столу от нетерпения: до того сильно охватило его желание очутиться перед компьютером и раствориться в собственном мире. Вернуться домой! Нет, не в квартиру, конечно, а ДОМОЙ – в НАСТОЯЩИЙ МИР, волшебный, сверкающий красотой и манящий открывающимися возможностями. Потому что для него, для Дениса Лабутина, компьютерная игра – настоящий мир, а вот реальность как раз и есть несносная скучная игра, в которой победителей нет, а есть одни проигравшие.

В эту несносную скучную игру – реальность, в это давно приевшееся существование Денис вернулся, когда завершал звонок с урока.

– Жаль, что тебе уже пора, – вздохнула Люция Куртовна. – Мне было очень интересно тебя слушать. Ты просто талант, уникал.

У Дениса хватило совести, чтобы порозоветь.

– Да у меня по всем предметам тройки!

– Просто ты человек особенный, Денис, не как все. У кого-то в одном получается, кто-то в другом мастер. По крайней мере в компьютере ты разбираешься лучше многих своих сверстников, и это здорово!

Люция Куртовна улыбалась. Ямочки сияли на пухлых щёчках.

– Мама так не считает, – хмыкнул Денис.

Омбудсмен пожала плечами:

– Она – мать. Много она понимает по-другому.

– Как по-другому?

– Ну, к примеру... от сидения за компьютером глаза заболят, да и позвоночник тоже... того...

– Чего – того? Сломается?

– Согнётся скорее.

Она мельком взглянула на часы.

– Пора тебе, Денис. Я буду за тобой наблюдать, чтобы помочь.

Лабутин встал.

– До свиданья.

– До свиданья, солнышко... в смысле, крутой геймер.

Они хихикнули, будто заговорщики, и весело посмотрели друг другу в глаза.

«Хорошая тётка, – решил Денис. – Она точно поможет».

Глава 5

Следующая ступенька мастерства

Он успел к началу урока по английскому языку, но не успел больше ничего: ни учебник открыть, чтобы понять, что задавали на дом, ни с Надей перемолвиться, ни Ломакину слово бросить...

Англичанка персонально Лабутина не спросила, но зато надиктовала текст, который надо было записать, как услышал, перевести без словаря и сдать листочек на проверку. Кое-какие слова Денис, конечно, знал: иногда лазил по англоязычным сайтам с описанием прохождения новых игр. В общем, написал кое-что кое-как на троечку. И то облегчение.

На обеде в столовой к Лабутину подсел Вовка Ломакин.

– Такая тётка классная эта Люция! – прихлёбывая суп, восхищённо признал он. – Она со мной и так, и этак, и чай, и конфеты, и баранки...

– Классная, – подтвердил Денис с набитым ртом. – Понимающая ваще.

– Ага. И верит всему, – взхлёб делился Вовка. – Я ей такого наплёл, а она только кивает и смотрит по-телячьи, прикинь! Всему поверила. Иногда и врать было жалко.

– Почему?

– Да она словно первоклашка! Также в рот смотрит. Я чуть её по голове не погладил и не просюсюкал: «Малышка, хошь конфетку?»

– Она бы не взяла. Скорее тебе б дала, – уверенно сказал Лабутин.

– Точняк, – согласился Вовка.

Сидевшая напротив Надя Смирнина подняла от тарелки глаза.

– Глупыши вы, вот что, – усмехнулась она. – Вот посмóтрите: отзовутся вам потом ваши лживые откровения, наплачетесь досыта.

– А ты не каркай, ворона! Откуда ты чё знаешь? – огрызнулся Вовка. – Сиди себе, сопи в трубочку.

Надя передёрнула плечами.

– Да пожалуйста. Не плачьте потом только, утешать не буду. – Она взяла поднос с грязными тарелками.

– Дура, – авторитетно заявил Ломакин, когда Надя ушла.

Денис подумал, жуя вермишель с маленькими кусочками гуляша.

– Не, – наконец мотнул он головой, – Надька нормальная. Только вот не геймер – это да. Но у неё причина.

– Чё за причина?

– У неё компа нет. А в школе разве поиграешь?

– А думаешь, ей надо? – засомневался Вовка. – У неё этой игры с утра до ночи пятеро – мал мала меньше. А ещё, говорят, мать у неё снова забеременела.

– Нифига себе! – подивился Денис. – Куда она их?

– Бригаду выращивает! – усмехнулся Вовка. – Преступную группировку.

– Точняк!

Лабутин показал большой палец. Парни хихикнули и тоже пошли относить грязную посуду.

Выйдя из столовой, Денис вдруг почувствовал зверский голод. Не желудочный, а по игре. Ему страшно захотелось сцепиться пальцами с «мышкой» и клавишами, утопить взгляд в экране и снова очутиться в своём НАСТОЯЩЕМ мире, где он властитель, вседержитель, создатель – бог. Он так и видел перед собой крутой мир фэнтези с величественными городами и замками, магией, волшебными существами, битвами и захватывающими приключениями.

Или представлял себя участвующим в сражении двух танковых дивизий во Второй мировой. Или обозревал сотворённую им страну, развитие цивилизации которой зависит от вывертов его фантазии и умения стратегически мыслить...

Звонок на урок Денис воспринял как неприятную побудку, отрывающую его от сладкого сна для того, чтобы вернуть в опротивевшую реальность. Может, прогулять? Что ему за это будет? Да ничего. Всегда можно нырнуть под крылышко омбудсмена. Уж Люция Куртовна пригреет, выслушает, в обиду не даст.

Да и не имеют права что-то ему делать, как-то его наказывать. Теперь всё. Родительской и взрослой власти конец. Делай только то, что хочешь, а что не хочешь – не делай. А заставить тебя – уже никаких инструментов нету, во как! Раньше кнутом и пряником пользовались, а нынче одни пряники остались. А попробуй Дениса Лабутина одними этими пряниками заставить от игры отказаться. Да ни в жизнь! Хоть какой обалденный пряник будет! Хоть с какими примочками! Хоть на Луну билет в роскошном лайнере и выход в скафандре на поверхность! Или путешествие в один конец на Марс! Чего там Луна какая-то или Марс, когда в игре ты окажешься хоть на Луне, хоть на Юпитере, хоть на астероиде, хоть в самой далёкой галактике, где на пиратское злодейство чёрной дыры полюбишься. Так что подавитесь вы своей реальностью и всеми её соблазнами! Они ничто по сравнению с виртуальным существованием!

Денис шумно выдохнул, оказавшись за школьным двором. Прогуливать легко. Никакого наказания! А если и есть – то тьфу на него, потому как не задевает. Успокоив таким образом свою совесть, Денис Лабутин помчался домой.

Войдя в квартиру, он тут же скинул одежду, оставшись лишь в трусах и футболке, и устремился к компьютеру. Здравствуй, мир! Здравствуй, слава! Здравствуй, власть! Здравствуй, огонь! Кинуться в него и гореть. Мучительно сладко. В огне убийств и приключений.

Мельком коснулась ума Дениса мысль о маме, о деньгах – и пропала. Это потом. А сейчас – Enter снова в игре! Enter – его ник в виртуальном бытии. Существо по имени Enter более живое, более настоящее, чем какой-то Денис Лабутин.

Enter обновляет вооружение. Enter восстанавливает здоровье. Enter прокачивается в спортзале, перегоняя «опыт» в «мастерство». Enter мочит очередного монстра – безголового пса, который утащил его в чудовищную пещеру, где он почти погиб – во сне. Или ледяного людоеда, едва не сожравшего его заживо – во сне. А вот Enter вступает в гильдию магов и становится первейшим из первых!..

Палец устал нажимать на «мышинный зуб». Денис потряс рукой и понял, что хочет пить. Нажал на паузу. Сходил на кухню. Попил. Заодно проверил холодильник, сунул в зубы колбасу с хлебом. Жевал – даже вкуса не чувствовал. Потому что рука на пульсе игры, мозг отключён, а взгляд устремлён в виртуальность.

И вот он победил! Перешёл на следующую ступеньку мастерства! Кла-асс! Довольный своим достижением, Денис потянулся, шурясь на монитор и злорадно обозревая побеждённого им врага. Кровь растекалась по полу, по стенам... Реалистично так. Молодцы дизайнеры игрушки!

– Вот я тебя как! – процедил он, ухмыляясь. – Ухайдакал, будь здоров! А ты думал, я лох? И тебя не победю?.. Не запобеждаю? А вот на-ка да выкуси! – Он повертел кукишем перед экраном. – Да задавись «маздой», да кровью захлебнись, чувырло!

Он рассеянно огляделся по сторонам. Пробормотал:

– За это надо выпить. И съесть что-нибудь.

В холодильнике, однако, была только гречневая каша и «попка» колбасы. Денис поморщился. Какая прелесть: гречка с колбасой! В морозилке лежало последнее замороженное куриное филе, но кто бы его разморозил и приготовил? Денису совершенно некогда. Корча рожи, он вытащил кастрюлю с кашей и «приговорил» её к уничтожению вместе с остатками колбасы.

Ого! Уже больше девяти! Скоро придёт мама.

Телефонный звонок подбросил его вверх.

– Да? – поднял он трубку.

– Здравствуй, Денисушка, – ласково проворковал женский голос. – Это Люция Куртовна.

Как поживаешь?

– Ништяк себе.

– Отлично, я рада. А Зинаида Аркадьевна дома?

– Не, на работе ещё.

– На работе?... О... А ты ужинал?

– Да так себе. Пожевал чего-то...

– Что пожевал?

– Да чего нашлось в холодильнике. Гречку да колбасу ледникового периода.

– Мгм. Понятно. Уроки-то сделал?

Денис помолчал. Что тут скажешь? Люция Куртовна вздохнула в телефон.

– Денис, ты смотри, учёбу-то не запускай. Хочешь не хочешь, а без образования никуда.

– Да знаю я, – поморщился Денис. – Просто это... ну...

– Ну? Чего – ну?

– Ну, не успеваю я, и всё.

– Почему, Денисушка?

В голосе – само сочувствие и готовность понять всё-всё на свете. И помочь во что бы то ни стало! Почему мама не такая, ну почему?! Только о себе и думает. Денису стало так себя жалко, что в горле застряла боль, а глаза защипало. Бедный покинутый ребёнок... при живой-то матери, при живом отце... Вот сюжет тюремной песни.

– Денис, с тобой всё в порядке? Может, к тебе приехать? – Голос омбудсмена звучал встревоженно.

– Не.

Денис шмыгнул.

– Нормалёк. Я в ажуре, Люция Куртовна. Щас за уроки засяду.

– Ночью-то? За уроки? – засомневалась та. – Думаешь, путное что выйдет? Ты лучше спать ложись, слышишь, Денис? Поспи нормально, а утро вечера мудренее, верно?

– Ну.

– Вот и хорошо. Ложись. Завтра подумаем, что делать.

– До свиданья.

– Спокойной ночи, Денисушка.

Короткие гудки обжигали прижавшееся к телефонной трубке ухо. Почему ему так тошно? Ничего же вроде бы такого не произошло, чтоб тошно стало... Где б найти отраду, чтоб до самого доньшка сердца доставала? Ведь вроде бы всех победил, завтра можно с новыми врагами сражаться! И так далее в том же духе, хоть до бесконечности!..

Стоп. Разве бесконечность существует? А смерть?..

Денис Лабутин нахмурился, несколько встревоженный. Он так давно и так много видел виртуальную смерть во всех неприглядных подробностях, видел все способы умерщвления, все стадии разложения, что ужас, трагедия и величие таинства перехода из одной жизни в другую померкли, растворившись в игре. Во время игры страх перед смертью притуплялся. А вот теперь подумалось: всё же игра есть игра, и смерть на экране – не твоя смерть. А вот как умрёшь по-настоящему, что с тобой будет?

Денис подошёл к зеркалу, висящему в прихожей, приблизил к нему лицо. Обычное лицо. Ни одной морщинки, естественно, – в четырнадцать-то лет! Только глаза воспалённые какие-то, красные. Ну, это из-за компьютера. Выспится, и всё пройдёт. Денис попытался представить, каким бы он был мертвецом, и не смог: страшно вдруг стало. Он поспешно отвернулся и тут услышал звук ключа в замке. Мама! Mamochka!

Денис бросился к двери встречать её. Хмурость матери не остановила его порыв: он и не заметил, какое у неё настроение. Уткнулся в грудь, обнял за шею, ничего не говоря. Мама вначале стояла недвижно, а потом медленно, словно нехотя, обняла сына одной рукой – в другой она держала тяжёлую сумку. Они постояли так немного, потом мама положила сумку на тумбочку и обняла Дениса обеими руками.

– Денька, Денька, – вздохнула мама, оторвалась от сына и внимательно поглядела в его большие, чёрные от полумрака глаза.

– Я всё сожрал, – честно предупредил Денис.

– Понятно.

Она снова вздохнула. Взяла сумку, отправилась на кухню, принялась выкладывать продукты: три пакета дешёвой перловки, пять банок рыбных консервов, лук, картошку, морковь и капусту.

– Ух ты! – обрадовался Денис. – Откуда богатство? Отец дал?

– Тётя Даша денег одолжила. Всё, что я купила, придётся растянуть на долгий срок. Выдержим?

– А чё? Ладно.

Денис молча помог матери убрать продукты и сел за стол. Она налила в кастрюлю воды, поставила на огонь.

– Прости, мам, – выдавил Денис.

– Охо-хо... Ты уроки сделал? – спросила она устало.

– Мам... не сделал я.

– Ну вот, опять. Денис!

– Мам, да сделаю! Там немного, успею.

– Не знаю, как ты там успеешь. Уже почти одиннадцать вечера. До утра собрался над уроками корпеть? Чудо ты болотное. В кого растёшь? В уборщика складских помещений?

Денис насупился.

– Почему это – в уборщика? У меня обширные планы.

Мама усмехнулась:

– Да твои геймерские способности где на самом деле могут понадобиться? Сам-ка поразмысли.

– Да хоть где! – вскинулся Денис.

Просветление закончилось. Здравый смысл и раскаяние были положены на обе лопатки. Дениса с новой, ещё большей силой потянуло к компьютеру. Ну как магнит к железу, ей-ей! Жаль, что глаза слипаются. Жаль, что уроки надо делать. Вообще жаль, что надо что-то делать в этой паскудной волчьей жизни и нельзя переселиться насовсем в компьютерную игру. Превратиться бы в какого-нибудь крутого героя и жить в игре! Во класс! И уроки учить не надо. И мамины просьбы побоку... Красота!

Мама скептически покачала головой.

– Ну, разве что в роли эксперта по играм... Да и то – думаешь, подобных тебе мало? Ещё и драчка за такое место будет. А ведь всегда окажется кто-то побыстрей, половчей тебя. А в другой профессии – любой, между прочим! – твои навыки, что солома для супа, – не нужны... Ладно, давай спать иди, всё равно твои полушария ничего воспринять сейчас не смогут.

Денис презрительно поджал губы, выпрямился, чтобы всем своим видом показать, что он как взрослый мужчина имеет своё мнение и отказываться от него не собирается, и прошествовал в ванную. Мама сказала вдогонку:

– Не бросишь игру – погибнешь. В тебе и так мало человеческого осталось.

Задетый за живое, Денис обернулся.

– Чего это во мне мало осталось?

Мама устало отёрла лицо ладонью:

– Жалости. Сочувствия. Понимания. Сострадания, – ответила она, помолчала, вздохнула, махнула безнадежно рукой. – Ладно. Иди, сынок, умывайся. По разумению ты ещё маленький, чего с тебя взять? Ты ж у меня как сыр в масле... у таких к другим сострадания нет.

– Почему это? – буркнул Денис.

– Потому это. У праздного бездельника сердце, как джем: в нём всё доброе тонет и вязнет. Спокойной ночи!

Денис несогласно передёрнул плечами и, не ответив, скрылся в ванной. Более тепло, чем с мамой, он попрощался на ночь с компьютером, но сам даже не заметил этого. Под звуки мытья посуды и готовки еды на завтра Денис, немного поворочавшись, уснул.

Глава 6

Глупая анкета

Проснулся он под трескотню будильника. Взглянул, промаргиваясь, на часы. Шесть пятьдесят. Пора вставать. Но почему будильник? Мама всегда сама его будила... Пораньше, что ли, ушла? Он слез с кровати, зашаркал в ванную, умылся холодной водой и только после этого посетил кухню. Завтрак на столе. Записка какая-то...

С неприятным предчувствием Денис взял листочек и прочитал: «Еда в холодильнике. Сделай уроки. Или мне репетитора нанять? Вечером поговорим».

«Вечером поговорим» – это хм... фигово. Это ж надо сидеть, слушать, время терять; лучше бы в компе торчать на самом деле. Придётся фальшиво унылить: типа как я раскаиваюсь, братцы, какой же я, оказывается, болван, балбес, балда, бортухай, бумбелёк и прочее всё такого же свойства.

В холодильнике две кастрюльки: побольше – с супом из говяжьих костей с капустой, картошкой, морковкой и луком, поменьше – с варёным рисом. Ни колбаски, ни маслица. Консерва, правда, есть какая-то. «Рыбные фрикадельки». Гадость. У Дениса впервые промелькнула мысль, что стоило ему не красть деньги на «мыльный пузырь» и он бы лакомился и мясом, и колбасой, и сливками, и чипсами, и ананасами в банке. Собираясь в школу, он раздумывал, что лучше: сытость без игры или голод с игрой. Оптимально – сытость с игрой. И почему ему такая мать попалась?! Неудачница какая-то. Была б вот она бизнес-леди! Класс!

Денис повздыхал и вышел из дома.

Восемь. Время есть. У подъезда сидел и пыхтел чау-чау Ройбуш. Денис наклонился, погладил густую шелковистую шерсть.

– Привет, Ройбуш! Сторожишь кучу ступенек?

Ройбуш моргнул, пригнул голову, деликатно намекая, что человеческое прикосновение ему неприятно. Денис хмыкнул.

– Па-адумаешь, хрыч собачий, шапка меховая... даже не носки.

Его странно задело, что старый знакомый пёс пренебрёг его лаской. Хотя по большому счёту какая разница? Нужна ему больно преданность чужого питомца. У него дома, между прочим, лучше всякого животного есть – компьютер. С ним тоже разговаривать можно. Он и похвалить в состоянии, не то что бессловесная тварь с шерстью, хвостом, белыми клыками и фиолетовым языком.

Денис резко выпрямился и поспешил в школу. Ещё думать о какой-то там собаке! Ха.

Перед первым уроком его ждал непонятный сюрприз: на парте лежали скреплённые степлером несколько листов печатного текста и записочка. Надя объяснила:

– Это тебе анкета от Люции. Скоро всем будет раздавать.

– И чё сказала? – спросил Лабутин, вертя в пальцах записку со словами: «Денис, заполни всё аккуратно, пожалуйста, и принеси мне в кабинет, когда готово будет. С уважением, Люция Куртовна».

– Ничего такого, – пожала плечами Надя Смирнина. – А ты чего-то ждал, что ли?

Лабутин не ответил: звонок прозвенел...

Анкета как анкета. Персональные данные. Свободное время. Еда. Одежда. Развлечения. Всё ли есть? Или многого не хватает? Папа. Кем. Где. Как он занимается с ребёнком. Ругается ли с мамой, ходит ли на рыбалку. Что читают. Что смотрят по ТВ. Владеют ли навыками работы на компьютере. Как наказывают. Что при этом говорят. Что делают. Применяют ли физическое наказание, лишают еды или – а), б), в)...

Денис хмыкнул. Ну и вопросы! Каждую волосинку на теле в лупу разглядывают! И зачем им это, например: «Какие есть в квартире домашние питомцы? Разрешают ли тебе их иметь? Как объясняют свой отказ?» Или эта бредятина: «Сколько раз в неделю ты моешься под душем? Какие средства для этого используешь? Каким мылом моешь руки и как часто?»

Ну зачем это, а?!

Хотя... даже интересно... И правда, какой вывод может быть сделан из ответов на эти дотошные вопросы? Мелочь к мелочи – и будет крупняк. А ка-кой? Мать вызовут к директору, накостыляют, по шее надают, штраф выпишут... Что ещё такого страшного сделают? Не в детдом ведь отправят, а? За такую ерунду родительских прав не лишают.

Смешно даже. Ха-ха. Здравый смысл есть здравый смысл. Никуда от него не денешься. Исходя из здравого смысла, маме грозят нравоучение (нудность которого потерпит, ничего!) да штраф (переживём! лишь бы на электричество хватало, чтоб геймерить!).

И на переменах урывками Денис корпел над анкетой, посмеиваясь над некоторыми вопросами. Иногда в ответах что-то преувеличивал, иногда что-то преуменьшал – просто ради смеха. А чего? Подумаешь! Анкета – она, как он слышал, только в советские времена вес имела. А сейчас так, для девчоночьих тестов и для профформы. Её и читать толком не будут. Охота на пустяки время тратить!

Глупую анкету Лабутин заполнил до конца лишь после уроков. Уже шёл к кабинету омбудсмена, как она сама из-за угла вынырнула. Обрадовалась, засияла.

– Денечка! Готово?

Лабутин с чувством ученической гордости за проделанную работу протянул ей скрепленные скобками листы.

– О, молодец! – похвалила Люция Куртовна, внимательно проглядывая написанное. – Очень подробно и чётко. Настоящий профессионал.

Она сложила листы и одобрительно похлопала Дениса по плечу.

– Это очень поможет в решении многих твоих проблем, – пообещала она. – Дело сдвинулось, мой мальчик! Как там говорил великий комбинатор Остап Бендер? Э-э... А-а! «Лёд тронулся, господа присяжные заседатели!» В твоём случае это особенно актуально.

– Почему?

– Потому что ты умный, талантливый человек, – ласково улыбнулась Душкова. – Но ведь ты и сам это про себя знаешь, верно? Просто тебя не оценили окружающие. И в первую очередь родная мама. Это, само собой, опустошает душу, тормозит твоё развитие. В конце концов, это больно. Любое непонимание со стороны окружающих ранит такое чуткое сердце, как у тебя.

Она ненавязчиво погладила Дениса по коротким тёмным волосам.

– Часто стрижёшься? – рассеянно поинтересовалась она.

– Мама стрижёт.

– Она парикмахер?

– Не, откуда? Просто под машинку. Чик – и бритый, как скинхед.

– Бедняжка, – пожалела Люция Куртовна, – даже нормальной модной стрижки не видишь. Не заслужил, что ли?

– Стрижка дорого, – солидно пояснил Денис, – а под машинку быстро и бесплатно.

– Понятно, – сочувственно вздохнула Люция Куртовна, подумала и пригласила: – А пойдём ко мне в кабинет? Поговорим, чайку попьём. Я сегодня булочки свежие купила, с изюмом.

Денис поколебался немного, томимый тоской по игре, и всё же согласился. Подумаешь, полчаса чайку отдать. Зато – свежие булочки с изюмом, и дома можно не есть, а сразу сесть за компьютер. Он пил в кабинете омбудсмена чай, наслаждаясь беззаботностью. Люция Куртовна просматривала анкету, уточняя и вписывая детали. Денис рассказывал, прибалтывая лишнего, преувеличивая в шутку невзгоды, преуменьшая радости – точно так же, как писал анкету.

Люция Куртовна понимающе кивала.

– Да ты что?.. Надо же... Ну и ну, – бормотала она. – Не может быть! Кошмар! И как ты живёшь?! И в квартире заставляет убираться?! И в секцию ходить? А ты не хочешь? Не хочешь... Да уж, ситуация... Хорошо, что ты так вовремя ко мне зашёл. По крайней мере, помощь не запоздала... Ничего, Денисушка, всё будет хорошо. Поверь, жизнь в наших руках. Верить?

– А чё? Верю, понятное дело.

– Отлично.

Люция Куртовна заглянула в чашку своего гостя.

– Попил? Ещё хочешь?

– Не, я под завязку.

Лабутин похлопал себя по животу. Жизнь прекрасна! В натуральном мёде! Он вежливо распрощался и ушёл. Выходя на улицу, мимоходом подумал: где ж сегодня Вовка Ломакин? Что-то его не видно... Заболел, наверное. Нашёл время, идиот вихрастый. Теперь Денис один как перст остался, несмотря на кучу одноклассников. Эти пока ещё к омбудсмену не ходили. Ломакину школьные дела по барабану были и тогда, когда здоровьем кипел, а теперь, когда здоровьице потерял, ему на школу чихать, а на Дениса с омбудсменом – и подавно.

Пристукнуть его, гада, за такое безразличие к товарищу, и всё. О чём размышлять? Это же просто! Ножичком кольнуть, например. Денис много приёмов знает, как человека замочить: в интернете такой информации навалёшеньки. Читай, пробуй, равняйся. Правда, Денис до сего времени и мышь не затопил... но, судя по некоторым блогам, это несложно.

Лабутин придумывал – или, вернее, вспоминал – изошрённые казни для несчастного больного Ломакина. Конечно, самое простое дело – позвонить этому дуралею и спросить, чего он уроки пропускает... Но неохота. Времени нет. Время – игра. Дениса ждал виртуальный двойник Enter, живущий в компьютерной игре, а больше ему ничего не было нужно. И он перестал думать о Вовке Ломакине.

Во дворе на качелях старательно раскачивалась восьмилетняя Жанка. Её «предки» с французскими амбициями назвали бедняжку Жанин. Полностью получилось Жанин Эльдаровна Сулейманова – во одарили, а? В классе её дразнили ЖЭС. Во дворе и в семье звали просто Жанкой.

Качели почти не скрипели: отец Жанин щедро смазал их в один из свободных своих вечеров. Чау-чау Ройбуш сидел возле скамейки и наблюдал за прохожими. Чего этот взрыв рыжей шерсти за ними наблюдает? Перед ним лежала обглоданная кость. Видно, Жанин из «Мясной лавки», где работал экспедитором её отец, притащила для пса дешёвые обрезки, годные лишь для плохого бульона или для собаки.

– Жанка, привет! – крикнул Денис.

Та сосредоточенно раскачивалась, не обращая на соседа внимания. Ройбуш лениво вззрился на пришельца и неохотно вильнул пушистым хвостом.

– Дай покачаться, Жанк, ты уже час, наверное, качаешься.

Жанин разлепила губы:

– Я рекорд ставлю, не мешай.

– Какой рекорд?

– Какой надо.

– Ройбуша ты кормила?

– Я. А чё, нельзя?

– Можно. Ладно, пока. Расскажешь потом про свой рекорд.

Он зашёл в подъезд и не услышал, как Жанин проворчала:

– Ага, разбежался. Больно надо. Правда, Ройбуш?

Ройбуш медленно поднял к ней лохматую голову-шар, моргнул, мягко клацнул пастью, показав странный свой фиолетовый язык.

– Ты, Ройбуш, пушистая черепаха, – прокомментировала Жанин, качаясь, качаясь и не останавливаясь, потому что хотела долететь «до неба» двести раз, а то и четыреста... Чего мелочиться? Пусть тысячу!

До тысячи Жанин считала плохо, поэтому решила схитрить: считать пять раз по двести. Так её научил когда-то сосед Денька Лабутин. Дело подходило к концу пятой двухсотки, когда Жанин увидела, как в подъезд входит тётя Зина. Рано она сегодня. Даже странно. Поставив рекорд в тысячу качаний «до неба», Жанин слезла с качелей, присела возле терпеливого Ройбуша и принялась гладить его мягкую шелковистую шерсть.

Потом она походила по двору, полазала по скудному игровому комплексу с лесенками и турниками и уже точно собралась возвращаться домой, как вдруг увидела нечто странное: в их подъезд направлялась целая делегация, состоящая из пухленькой, приятной на вид женщины и двух полицейских. Куда это они, интересно? К кому?

Жанин хотелось досмотреть событие, но мама позвала дочку домой. Мама строгая. Пришлось подчиниться. Жанин вздохнула и поскакала домой. У дверей Лабутиных она притормозила и приложила ухо к двери. Ничего не слышно... Нет, слышно, но совсем неразборчиво. Вот плач – разборчиво. Жанин отлепилась от соседской двери и залетела в свою.

– Мам! – закричала она. – Мама!

– Ну, чего тебе? Живо руки мыть и за стол!

– К Лабутиным полицейские пришли, представляешь?

– Это не наше дело... Потом спрошу, что и как. Но это взрослые дела, тебя они не касаются никаким боком. Поняла?

– Да поняла, поняла. Просто интересно, чего это Дениска такого натворил.

– А я тебе повторяю – не твоё дело. Малявка ещё про взрослые дела знать. Руки помыла?

– Да щас помою. Мам, а когда папа придёт?

– После девяти. Знаешь ведь, что спрашиваешь?

– Так. Вдруг он раньше закончит.

– Когда такое бывало, Жан?

– Ну да... Просто увидеть его захотелось.

Глава 7

Неудачная попытка изъятия

Дениса убили, и он чуть не расколотил компьютерный стол от злости. Как это он не успел среагировать на монстра? Уж вроде бы реакция двестипроцентная, а не успел. Такое когда бывало? На заре юности, что называется, или с недосыпу. Он сидел перед монитором, с ненавистью глядя на виртуальную руку, которая снова и снова складывалась в кулиш. Откуда она тут вообще взялась? Раньше вроде такой примочки в этой игре не было...

– Так бы все пальцы тебе и сломал! – пробурчал он.

Вдруг на его глазах виртуальная рука замерла; пальцы разжались. Рука повисела ладонью вниз и поплыла вперёд, на Дениса. Она вылезала из экрана не спеша, и пальцы, проникая сквозь тонкую грань дисплея в реальный мир, фаланга за фалангой бледнели, белели буквально до исчезновения цвета. Вот вылезла и ладонь. Тоже белая. Противная, как плесень на варенье. И даже на глаз мёртвая.

Денис закричал жутко – такой жуткой была и рука, протянувшаяся из виртуальности в реальность и связавшая их между собой.

Рука шевельнула пальцами прямо возле остренького носа парня. Денис почувствовал, как ускользают от него и компьютер, и стена, и стул... А вот и пол. Бац! Какие высокие ворсинки у ковра... Целый лес. Чаща. Чаща ворсинок. А он – паутиный клещ. И его никто не увидит, никто не заметит. Особенно эта страшная мёртвая рука.

От противного резкого запаха нашатыря Денис очнулся. Возле него на коленях стояла мама. Лицо – словно яркая белизна. Никакой виртуальной руки, пытавшейся схватить Дениса за нос, нет. Хранитель экрана погасил изображение, превратил в ночь.

– Ма... чё это было?

– Это я у тебя хотела бы узнать, милый ты мой, – упрекнула мама, всё ещё бледная от переживаний. – Захожу, а ты лежишь тут под компьютером. Выброшу я его, вот что. Смотри, до чего досиделся: уже сознание теряешь. Куда это годится, вот скажи мне?

– Мам, не... – промямлил Денис, приподнимаясь, – не выбрасывай...

– Да ты погляди на себя! Лицо зелёное, как поганка! Иди вон ложись, я тебе таблетку дам.

Она несла из кухни стакан воды и таблетку, когда в квартире прожужжал дверной звонок. Мама от неожиданности вздрогнула, и несколько капель воды выплеснулось на пол. Поставив стакан на журнальный столик возле дивана, где лежал Денис, положив рядом таблетку, мама исчезла в коридоре.

– Здравствуйте, Зинаида Аркадьевна, – услышал Денис знакомый голос. – Как хорошо, что мы застали вас дома. Похоже, это уникальный для вас случай нормального возвращения с работы.

– Что значит – нормального возвращения?

– Вовремя. Или, простите, для вас это немыслимое понятие?

– Что вам нужно? Почему здесь полицейские? Я никакого заявления не писала.

– Заявления? Насчёт чего?

– Что Денис... неважно.

– Нам всё важно, Зинаида Аркадьевна, – мягким, увещающим голосом произнесла женщина в коридоре. – Нас интересует всё, что связано с вашей неполной семьёй. Можно пройти в комнату?

– Не думаю.

– Почему?

– Просто нежелательно. И представьтесь, пожалуйста.

– Да, конечно, Зинаида Аркадьевна. Я омбудсмен школы, в которой учится ваш сын Денис. Зовут меня Люция Куртовна.

– Как? – переспросила мама.

– Люция Куртовна Душкова, – вежливо повторила посетительница. – И я к вам с официальным визитом. Вот подтверждение моих полномочий.

– А полицейские – подтверждение чего? – с насмешливой ноткой спросила мама.

– Они не подтверждение, Зинаида Аркадьевна, – чуть жёстче ответила Люция Куртовна. – Они – гарантия моих полномочий.

– И в чём они состоят, эти ваши полномочия? – настороженно спросила мама.

Денис чуть не лопнул от любопытства. Он поднялся с дивана и прильнул к дверному косяку. В коридоре действительно стояли сияющая ямочками Душкова и два мента с кислыми физиономиями.

«Чего это они припёрлись? – обалдело подумал Денис. – Из-за денег? Откуда она узнала, что я деньги у матери спёр?! Я ж вроде никому ни намёком!»

– В качестве омбудсмена я изучила состояние вашей семьи и приняла решение.

Мама тем же настороженным тоном спросила:

– И какое решение вы приняли?

Ласково улыбаясь, Люция Куртовна прожурчала:

– Об изоляции вашего ребёнка в специализированном детском учреждении – интернате № 34 – и о направлении в суд иска об ограничении или лишении вас родительских прав. Тут уж как повезёт.

У мамы перехватило дыхание. Она секунды три молчала, потом рассмеялась громко, нервно – не зная, как реагировать.

– Что вы сказали? – дрожащим от непонимания голосом переспросила она.

Люция Куртовна прожурчала всё тот же текст – слово в слово.

– Не поняла, – призналась Лабутина. – Это что, шутка? Показательное выступление?

Душкова лучезарно показала мелкие ровные зубы.

– Вы прекрасно знаете, что нет. Можете почитать на досуге официальное заключение. А мы мальчика изымаем.

– Изымаете, значит?

Лабутина часто задышала.

– Имеете право? – изменившимся голосом поинтересовалась она.

– Имеем, – сладостно, как близкой подруге, сообщила Душкова. – Я представитель ювенального суда в России, защитник прав детей. Понимаете, Зинаида Аркадьевна? Вы умная женщина, надеюсь. Не чините препятствий. Это глупо. Всё равно ведь заберём мальчика.

– Да как вы смеете его забирать?! – закричала мама. – Вы ему кто?! Никто! Я его выносила, родила, инвалидом по женской части осталась, он мой единственный сын! Я его кормила, одевала, лечила, воспитывала, а вы что? На готовенькое накинулись?! Хотя одна-то причина у вас имеется его забирать? Спятили, что ли, там, наверху, что у матерей детей забирают ни за что ни про что?!

– Зинаида Аркадьевна, – душевно принялась увещевать Душкова, – всё по законам ювенальной юстиции – самой продвинутой в США и Европе системы защиты прав ребёнка. Почитайте заключение на досуге. Я бы вообще посоветовала вам изучить эти современные законы. Они включены в общую судебную систему. Вот изучите – и поймёте, в чём ваши недоработки как родителя, как матери.

– Да о чём вы говорите?! – кипела Зинаида Аркадьевна. – Как вы можете судить, есть у меня доработки или нет?! Вы хоть сами понимаете, как это возможно ворваться ко мне в дом с полицейскими, размахивать мне тут бумажками – кто их вам написал?! Дебил какой-то... И воображать, что из-за глупых писулек...

– Вашего сына, прошу заметить, – прожурчала Душкова.

– Что?

– Эти глупые писульки ваш сынок написал.

– Не верю! Вы врёте! И что, вы думаете, я вручу вам своего сына, которого четырнадцать лет растила, чтобы вы засадили его в интернат и сделали из него преступника, а из меня – его врага?!

– Ну зачем же так утрированно, – улыбчиво пропела Душкова. – Измените своё отношение к сыну, к его увлечениям, к его питанию и развлечениям, к его нуждам. Наконец, найдите более денежную работу, чаще бывайте дома, и мы пойдём вам навстречу... через суд, через освидетельствование, через некоторое неопределённое время – когда мы убедимся в вашем исправлении, вашей лояльности...

– Вы, значит, убедитесь? – усмехнулась мама. – И в моём именно перевоспитании и лояльности? Очень интересно. Безумие просто какое-то. Вы мне тут вещаете, что вот так запросто, из-за ничего, из-за того, что я работаю на двух ставках и беспокоюсь, что Денис свихнётся из-за компьютерных игр, я буду лишена родительских прав? Ну и дурость! Мне, значит, запрещено воспитывать собственного сына?

– Так, как это пытаетесь делать вы, – да, запрещено. Вы нарушаете права ребёнка. *Это* вы понимаете? – мягко плела паутину Душкова.

– Не по-ни-ма-ю! – отчеканила мама и схватилась за лоб: у неё отчаянно заболела голова. – Не понимаю: детдом становится лучше родной семьи, что ли?

– Смотри, какая семья. Иногда изоляция лучше и полезнее, чем родительский дом.

– Что вы говорите?!

У мамы полезли на лоб брови.

– Первый раз слышу, что чужой человек лучше любящей матери.

– Так то – любящей, – ввернула Люция Куртовна, улыбаясь, играя ямочками.

– Вы намекаете, что я сына не люблю?! – взорвалась мама. – Да из-за кого я так горбачусь?!

– Не знаю, из-за кого. Но только я вижу, как попираются права Дениса, как развито насилие и рукоприкладство в вашей неполной семье.

– Какие ещё насилие и рукоприкладство?! – не поняла мама.

Потом вспомнила.

– Это когда он в ванной о косяк ударился? Вот здорово! И тут я виновата.

– Конечно. Бить ребёнка мы вам не позволим. Обижать и тормозить его развитие – тоже.

Денис слушал и холодел от страха. Каждая строчка заполненной им анкеты, каждое произнесённое им за чашкой чая с омбудсменом слово жгло его пониманием собственной глупости и самонадеянности. Вот дурак! Чего хвост распушил, балбес? Перед кем? Перед врагом? Ведь эта Люция Куртовна – враг. И какой враг!

Страшный.

Дениса передёрнуло. Что-то зашекотало ему висок, он дотронулся до кожи. Она оказалась мокрой. Холодный пот. Вот он какой, оказывается. Вот он отчего. От страха.

Мама спорила, возмущалась, отстаивая сына. Душкова смотрела ей прямо в воспалённые глаза и ямочками на щеках играла, ласково улыбаясь. Когда мама перевела дух и ладонью отёрла мокрое от слёз лицо, омбудсмен прожурчала:

– Всё? Вам больше нечего добавить? Ну что ж. Мальчики, следите за порядком, чтобы отымание было произведено законно. Денис! Подойди сюда, пожалуйста. Зинаида Аркадьевна, официальные бумаги я положу сюда. Пожалуйста, сохраните их, иначе придётся восстанавливать за ваш счёт. Понимаете? Денис дома? Денис! Разрешите пройти в комнату, проверить наличие ребёнка. Мальчики, пожалуйста.

Полицейские, глядя в пол, заливаясь краской, маясь, шагнули в комнату. Денис закричал:

– Я никуда не пойду! Не хочу! Я с мамой буду! Я сам виноват! Я деньги все спёр, она правильно орала на меня! А синяк – это я сам вдарился, она меня и пальцем не тронула!

– Денис, успокойся, – журчала Люция Куртовна. – Что ты вообще говоришь? Кого испугался? Ведь ты мне совсем иное рассказывал.

– А я врал! – кричал Денис.

– Зачем врал? Врать нехорошо, – пожурила Душкова.

– Врал, потому что... врал! Захотелось, и всё! Мы с мамой хорошо живём, просто отлично! Оставьте нас в покое, ясно вам?

Денис бросился к маме и прижался к ней крепко. Полицейские перевели взгляд с парня на омбудсмена.

– И чё теперь? – кисло спросил один. – Их вдвоём тащить?

Люция Куртовна с милой улыбкой изрекла:

– Зачем вдвоём? Оторвите мальчика и ведите в машину. За вещами пришлют кого-нибудь из интерната.

– Сына от матери, значит, отрывать? – уточнил второй полицейский.

– А что делать? – печально вздохнула Люция Куртовна. – Ничего не поделаешь, закон есть закон. Его надо выполнять, восстанавливать нарушенные права ребёнка. Жаль, конечно, но... отрывайте.

– Нет!!! – в голос закричали Денис с мамой и стиснули друг друга.

Первый полицейский возвёл очи к потолку.

– Знаете, что? Разбирайтесь сами. Смотреть на это безобразие тошно.

– Ну почему же тошно? – напевно начала Люция Куртовна, собираясь с мягкостью удава вновь расписать прелести ювенальной юстиции, но не успела.

Полицейские повернулись к конфликту спиной и зашагали прочь из квартиры. Один возмущённо сказал напарнику:

– Последние времена, слышь, настали: детей у матерей забирают... Полипы на теле детства.

– Во-во. И нас к этому гадству подключили, паразиты...

Люция Куртовна пожалала плечами, обогнула Лабутиных, предупредила без малейшей досады:

– В другой раз, видимо, отъятие произведём. До скорого свидания, Зинаида Аркадьевна. Денис, до встречи.

И она – живое воплощение улыбчивой жестокости – ускользнула в осенний пасмурный вечер. Словно ждал этого, заморосил холодный дождь.

Лабутины долго стояли, обнявшись, не веря своему счастью. Молчали. Потом Денис проговорил, судорожно вздыхая:

– Мам, я не хочу от тебя никуда.

Мама шмыгнула носом, сморгнула последние слезинки:

– А я отпускать не хочу... чудо-чадо моё бестолковое...

– Почему это... бестолковое? – поинтересовался Денис.

– Да потому что... Нашёл, кому душу открывать: исповедался окунь щуке под корягой...

– И что с ним случилось? – Он отлепился от мамы и посмотрел ей в глаза.

– А что с окунем станется? В щучий желудок попал, – усмехнулась мама. – Пойдём умоемся и поедим.

– Пойдём, – облегчённо вздохнул Денис.

А мама подумала: «Какой он у меня... большой-большой, а маленький!» И провела ладонью по мягким мальчишеским вихрам.

Глава 8

Удачная попытка изъятия

Ночью оба спали отвратительно: вертелись, часто просыпались в поту, дремали тяжело, с кошмарами расставаний и неудавшимися встречами. Наконец под утро Денис не выдержал, перебежал к матери и приткнулся под бочок. Мама обняла его одной рукой, как крылом, и оба крепко уснули. Проспали, конечно. Часовые стрелки скользнули на восемь двадцать пять, когда мама сонно подняла голову, чтобы проверить, сколько ещё можно не вставать. Она взвилась на постели:

– Денька! Подъём! До уроков пять минут осталось! Бегом!

Денис, весь в остатках сна, побежал, спотыкаясь, в ванную, плеснул на лицо холодной воды, стал впопыхах одеваться.

– Учебники собрал? – спросила мама, лихорадочно нарезая купленную накануне дешёвую соевую колбасу и хлеб и засовывая бутерброды в мешочек.

– Шас!

В рюкзак вместе с учебниками и тетрадками он запихнул и завтрак.

– Ну всё, День?

– Ага.

– Ну пока, лети.

На пороге Денис всё же приостановился и посмотрел на маму.

– Чего? – сказала она.

– Мам, нас не разлучат? – тревожно спросил сын.

– Я не дам, – твёрдо обещала она, и Денис со спокойной душой припустил в школу.

Он, понятное дело, успел только ко второму уроку, и Надя сообщила ему, что его отметили как заболевшего.

– Может, если отметили, что я больной, так и вовсе слинять? – пробормотал задумчиво Денис.

Надя возразила:

– А справка?

– Какая справка?

– Официальная. Что ты сегодня на больничном, – напомнила Надя.

– Тьфу ты! Точно.

Денис скривил губы. А так здорово было бы... Он проглотил бутерброд с колбасой и сбежал к фонтанчику в фойе, чтобы попить. Прозвенел звонок, и в класс вошла Яна Михайловна Герамисова по прозвищу Герань, их классный руководитель.

– Здравствуйте, садитесь, – привычным строгим голосом велела она и обвела взглядом ребят; увидев Дениса, приподняла чёрные восточные брови. – Лабутин, ты здесь?!

– Да, Яна Михайловна, – встал Денис. – Я не заболел, я проспал.

– Так будильником надо пользоваться, Лабутин, – раздражённо сказала Герань. – Слышал об этом плоде научно-технического прогресса?

– Ну, слышал, – пробубнил Денис, разглядывая поверхность своей парты.

– Что ж не поставил? Снова допоздна в игры резался? – фыркнула русичка.

– Ничё я не резался, – буркнул Денис.

– А, знаю-знаю, – с сарказмом подначила Яна Михайловна, – расхлёбывал последствия своей подставы.

– Чего?! – вскинулся Денис.

– А чего? Маму подставил, понаписал чушь всякую, и теперь ей судебный иск вчинят. А ты как хотел? Для омбудсмена каждое твоё слово – правдивое или лживое, без разницы – предпочтительнее родительского.

– Почему это? – ещё больше скис Денис.

Яна Михайловна пожала худыми, почти девичьими плечами и внимательно всмотрелась в понурю фигуру.

– Потому как разрушение семьи – первейшее дело тех, кто этими омбудсменами руководит.

Она обвела тем же внимательным взглядом класс. Все слушали, не опуская глаз.

– Ну, – вздохнула учительница, – это тема для отдельного разговора, который, возможно... мне и не разрешат проводить... В общем, ребята, не доносите на своих родителей, любите их, цените, и если омбудсмен попросит вас рассказать о своей семье, о своих увлечениях, планах, проблемах, твердите одно: мама и папа классные, лучше всех, нам помогают во всём, никаких проблем. Иначе окажетесь в интернате. А там, поверьте на слово, совсем худо.

Она помолчала пару секунд и негромко, с нажимом повторила:

– Несладко. **ОЧЕНЬ.**

– А откуда вы знаете? – пискнула Галка Кугушева, сидевшая перед Денисом.

– Бываю там, вот и знаю... Ну всё. Начнём урок. И так по программе не успеваем. Садись, Лабутин. И впредь головой думай, а не тем, чем ты там себе думал... Не мальчик, а геймер. Никнейм ещё какой-то себе глупый, говорят, выдумал: Enter. Тоже мне, Enter. Только и знаешь, что... энтерить.

По классу пробежал шумок, глаза одноклассников заискрились: у Лабы появилось новое прозвище – Лаба Enter. Или просто Enter. Клёво.

– Тихо, тихо! – велела Яна Михайловна. – Откройте учебник на странице тридцать один, посмотрите упражнение номер четыре. На странице тридцать два упражнения с первого по четвертое. Это задание на дом. Плюс ещё параграфы учить девятый и десятый. А теперь откройте тетради, небольшой диктант.

Дружный вздох, шелест бумаги...

– Лабутин, не спи. Диктант и тебя касается.

Денис что-то написал; наверняка на «парёшник», не больше. Он даже списывать у Нади не мог. Новую тему слушал вполуха. На перемене, когда шли в кабинет истории, ни с кем не разговаривал, ни на кого не смотрел. Проходя мимо двери с надписью «Душкова», содрогнулся и убыстрил шаг.

Четыре следующих урока дались Денису с головной болью. С облегчением услышал он звонок с последнего урока, смахнул с парты в рюкзак учебник, тетрадь, ручку и рванул к двери. Домой! К компьютеру, погрузиться в игру, унять эту невыносимую тревогу, это жгучее беспокойство, терзание, не дающее вздохнуть полной грудью.

Надя спросила вдогонку:

– День, тебе помочь?

Он не услышал. Он хотел домой, к привычному образу жизни. К маме.

Но в коридоре его ждал крутой поворот в судьбе в виде двух вчерашних ментов, за спинами которых королевой стояла Люция Куртовна.

– Здравствуй, Денис, – проворковала она, улыбаясь.

Не успел Денис опомниться, как полицейские подхватили его под руки и понесли к выходу. На него бросали жадные любопытные взгляды, переговаривались, шептали на ухо друг другу, но никто не кинулся ему на помощь. Во дворе школы Дениса втолкнули в полицейскую машину, стиснули с боков, и водитель тут же дал газу.

– Не имеете права! – плакал Денис, вырываясь из прижатых к нему больших тел. – Я пожалуюсь в ООН!

Полицейские даже не хмыкнули. Отвернулись от парня и стали смотреть каждый в своё окно. Водитель сквозь зубы сказал:

– Сучья работа.

И больше – ни звука. Денис в страхе замолчал. Зубы у него стали выстукивать дробь, которую никто не слышал из-за шума двигателя.

– Сопроводиловка у тебя? – спросил один мент через голову арестованного.

– У меня. – Второй даже не повернул к напарнику лицо.

Машина остановилась у железных ворот, вместе с высоким забором скрывавших невзрачное серокирпичное здание в четыре этажа.

– Идём, малец, – сказал первый мент. – Не повезло тебе.

– Раздолбёж, – кратко выразился водитель, глядя на руль.

– Я не пойду, – пискнул Денис.

– Не парь, Лабутин, – устало сказал первый мент, – всё равно ж заставим. Тебе на что горло срывать?

– Тут не помогут, парень, – кисло поддержал второй мент. – Кричать некому: не слышат. Думать надо было башкой, а не тем, чем ты думал, когда к омбудсмену пошёл и семейную жизнь ей наизнанку выворачивал. Да ещё привирал, небось.

– Отвезите меня к маме, – слабым голосом попросил Денис, – пожалуйста, ну пожалуйста! Ну я же вам ничего не сделал... Я больше не буду...

– Чего ты там не будешь? – вздохнул второй мент, не ожидая ответа, но Денис ответил:

– Ничего не буду! С Люцией Куртовной разговаривать... врать... маму огорчать... – И с огромным трудом, после паузы выдавил: – И геймерить... тоже не буду. Даже в мегашутер...

– В чего? – переспросил второй мент.

– В мегашутер... – сдавленно просипел Денис. – В стрелялку крутую. Правда. Отпустите! Пожалста!

Менты переглянулись. Прокашлялись. Дениса захлестнула волна надежды: вдруг отпустят?!.. Но менты мельком взглянули на него... и парень понял: бесполезно умолять, обещать, в ногах валяться. Им его жалко, да приказ выше жалости.

– Не заорёшь? – для проформы спросил первый мент.

Денис весь сжался и даже головой не мотнул – не мог. Да что он теперь мог? Не с ментами надо будет сражаться, а в кабинетах с чиновниками. Кто бы научил – как?

«Мамочка, ты же меня вытащишь отсюда? Я хочу к тебе. Я тебя люблю. Я сам не знал, как тебя люблю!»

Мысли лихорадочно роились в его голове, и вскоре она начала болеть.

Глава 9

Новый дом

В кабинете, куда его привели полицейские, о Денисе всё уже знали: перед женщиной в кричаще-красном костюме лежала пачка исписанных листов – вся правда и неправда о Денисе Лабутине и его семье. Женщина перебирала документы холёными руками с модным маникюром и не читала, а будто освежала в памяти давно изученные факты.

– Отпустите меня к маме, – сипло проговорил Денис, с трудом глотая комок в горле. Потом, подумав, добавил: – Пожалуйста.

Женщина подняла к нему лицо – такое же холёное, как и руки, с искусным макияжем, сквозь который проглядывала неженская жёсткость. Бледно-голубые глаза впитали Дениса всего, до последней клеточки, словно выпили воду из стакана, оставив его совершенно пустым.

– Здравствуй, Денис Николаевич, – красивым низким голосом произнесла эта ухоженная женщина. – Меня зовут Алла Викторовна Крисевич. Я отныне твой начальник, потому что ты будешь жить у меня дома – то есть в интернате, который я считаю своим собственным домом. Садись. Мы обо всём поговорим, и ты всё-всё мне расскажешь подробно. Договорились? От этого зависит твоя дальнейшая судьба.

Денис сел и сразу же сказал:

– Я всё наврал. У меня с мамой полный ажур. Честно.

Алла Викторовна дежурно улыбнулась. От этой улыбки Дениса передёрнуло: он вспомнил улыбку Душковой, когда она стояла в коридоре их квартиры и приказывала ментам оторвать Дениса от мамы. Улыбчивая жестокость... Но, может, эта Крисевич – настоящая? То есть нормальная?

– Я очень рада, Денис Николаевич, что в семье у вас полный ажур, – с кажущейся искренностью сказала Алла Викторовна. – Но дело, видишь ли, вот в чём. Раз поступил сигнал от вашего школьного омбудсмана, надо его тщательно проверить, несмотря на твоё новое признание. Ведь ты и сейчас можешь нас обманывать. Как тебе верить, если ты уже столько лжи налил? Ну? Верно же? Проверим, убедимся, что мама у тебя ответственная, что папа исправно платит алименты и принимает участие в твоём воспитании, что твои психологические проблемы устранены, – и ты вернёшься домой...

«Во двор с качелями и чау-чау», – подумал Денис, охваченный неожиданной тоской.

– Ну что, Денис Николаевич? Ты всё понял?

Денис кивнул. Разговаривать было бесполезно. Алла Викторовна взяла телефон, набрала номер и сказала в трубку:

– Георгий Николаевич? Принимайте новенького... Да-да, из той же школы... И из класса... Совершенно верно, он самый. Кстати, по самым последним данным, классный руководитель невзначай дала ему новое прозвище, так что можете воспользоваться... Да-да, увидите в деле, там на первом же листе... Лабутин, подожди в коридоре, – низким контральто велела, улыбаясь, Крисевич.

Когда униженный услышанным разговором (как они прознали про Enter'a?!) Денис поворачивался к двери, в зеркале на стене он заметил, как мгновенно исчезла с женских губ улыбка. Будто куклу выключили. Лицо стало деловое, хищное...

«И Душкова такая же, когда на неё никто не смотрит», – понял Денис, и слёзы выступили у него на глазах.

«Мама! Прости! Верни меня домой! Не забывай меня!»

В коридоре к Денису подошёл упитанный невысокий парень с узкими чёрными глазами, взял его за руку повыше локтя и повёл к другому кабинету, на котором висела табличка:

ПУГИНСКИЙ ГЕОРГИЙ НИКОЛАЕВИЧ
заместитель директора интерната № 34 по воспитательной
работе.

Часы приёма по личным вопросам:
среда, пятница 14.30–16.30

Пока стояли перед дверью, ожидая позволения войти, Денис внимательно изучил табличку и постарался всё запомнить. Помнил же он кучу информации по прохождению игр! Что уж тут-то запоминать?! Но войдя в кабинет, он забыл всё, что тщательно запоминал.

В просторном светлом помещении с коричневыми шкафами, где за стеклом стояли книги разных форматов, сувениры и образцы минералов, за современным чёрным столом сидел, вальяжно покачиваясь в высоком офисном кресле, представительный мужчина. Весь белый от седины, он не казался старым: настолько массивным было его крупное лицо с квадратным подбородком, настолько тяжёлым – взгляд пронзительных голубых глаз и настолько высокомерными – длинные тонкие губы.

«Солдафон», – мелькнула у Дениса мысль.

Этот спуску не даст, жалеть не будет, только звезданёт, да побольнее, чтоб на пару метров отлетел от удара. Пугинский забарабанил пальцами по листу, который читал.

– Enter, значит, – без улыбки проговорил он. – Геймерёныш... Есть у нас такие. Продвинутые... В общем, свои ни к чему не пригодные навыки оставь при себе. Компьютеры у нас только для работы. Докажешь, что достоин клавишу Enter нажимать, дадим допуск простые тексты набивать. А не докажешь – останешься унитаза чистить. С унитазов у нас начинают все, и ты не исключение. Кровать твоя в комнате 229, на втором этаже. Устав в учебке. Прочитай, что запрещено, что разрешено, выучи наизусть и выполняй. И не ныть. За нытьё отдельное снятие очков за поведение. Ренат! – обратился он к упитанному парню. – Ренат Абдуллович, отведите Enter'a в столовую, велите дать суп и компот, потом – на склад, пусть ему там выдадут всё, что нужно, и в 229-ю определите. Да построже с ним. Он уже устроил бучу, когда его брали. Ненадёжный тип.

– А мы и не таких ломали, Георгий Николаевич, – усмехнулся Ренат.

Пугинский побарабанил пальцами по столу.

– Совершенно верно, – дружелюбно кивнул он своему помощнику. – И это всякий раз даёт новые силы воспитывать для государства полезных людей. Да, Ренат Абдуллович?

– Так точно, господин замдиректора! – вытянулся тот и отдал честь.

Денис смотрел на них ошарашенно и не верил, что всё это происходит с ним в реальности. Разве так может быть, чтоб он попал сюда на самом деле?

– А когда я увижу маму? – выдавил он, борясь с непроходящим комком в горле.

Пугинский обратил на него тяжёлый взгляд – как букашку придавил.

– Кого-кого ты хочешь увидеть? – словно не веря услышанному, переспросил он.

– Маму...

– Маму, значит...

Пугинский откинулся на спинку кресла, внимательно прошёлся взглядом по мальчишеской фигуре, остановился на лице, пристально посмотрел в глаза и без малейшего намёка на сочувствие произнёс:

– А не ты ли её хаял? Жаловался на неё? Чуть ли не выл из-за невыносимых условий, которые она тебе устроила?

У Дениса опять полились слёзы, и он только и сумел выдавить:

– Я врал.

Пугинский помолчал, побарабанил пальцами по столу, потом пожал плечами:

– Враньё – оружие обоюдоострое, Enter. Обманщику веры нет. Как теперь узнать, где ты врал, а где правду говорил? Доказательств-то нет... То-то. Всё. Ренат Абдуллович, уводи.

– Я докажу! – закричал Денис, рванувшись к модному, чёрного цвета столу.

Ренат ухватил его, вывернул, как преступнику, руку.

– Больно! Пусти! – взвыла жертва, и Ренат ослабил захват.

– Прямо сейчас докажешь? – Георгий Николаевич не отводил от новичка недобрый металлический взгляд.

– Прямо сейчас! – выпалил Денис.

– Ну-ну, попробуй. Предъяви мне свидетелей, документы – и я подумаю, доказательна ли твоя доказательная база.

Денис очень хотел быстро сообразать и не мог. Пугинский подождал немного и, не дождавшись ни слова, усмехнулся уголком рта.

– Ренат, в «купальню» его, чтоб охладился.

– Есть, Георгий Николаевич! Идём, Enter.

Глава 10

Воспитание Фуфайкина

Глотающего слёзы Дениса выволокли из кабинета, протащили по коридору, по лестнице в подвал, затолкнули в мрачную зелёностенную душевую.

– Раздевайся донага, – приказал Ренат.

Денис дрожал и дико озирался. Ренат шумно выдохнул через ноздри, теряя терпение.

– Тебя раздеть? Я могу.

Денис содрогнулся и скинул одежду.

– Сложи на скамейку.

Сложил, как мог, ослабевшими руками.

– Туда иди.

Ренат показал куда. Денис прошлёпал босыми ногами по холодному кафельному полу к стене.

– Ко мне спиной! – услышал он и отвернулся. – Ладони к стене припечатай.

Припечатав и со стыдом понял, что страх перед странной экзекуцией, скрытой в старинном слове «купальня», вылился из него в самом прямом смысле слова.

– Ба, да ты у нас ещё малыш-грудничок, – хихикнул довольный Ренат. – Не матёрый геймер, как тут тебя представляли, а Малыш Enter. Сопляк Enter. И даже без «ка». Просто Сопля. Короче, другие пусть тебя Enter'ом кличут, а я тебя видел, я знаю, что ты из себя представляешь, и буду звать тебя Соплём. Но это между нами, верно, Сопля?

Денис дрожал. Плакать он уже не мог. Сильная струя холодной воды ударила его в спину, распластала по скользкой стене. Ренат водил струёй, бьющей из шланга, по худому мальчишескому телу и приговаривал:

– Охладись, мамкина Сопля, охладишься, уродец, мы из тебя сделаем пресмыкающееся, дай срок. Охладишься, Сопля, охладишься.

Наконец напор воды ослаб. Денис обессиленно сполз по стенке. Но отдохнуть не дали.

– Марш ко мне, Сопля! – сказал Ренат. – Растирайся давай тряпкой. Не хватало ещё, чтобы ты потом настоящими соплями умывался.

Денис докрасна растёрся дурно пахнущим жёстким полотенцем.

– Одевайся и вперёд.

Денис оделся, ничего перед собой не видя, ничего не понимая и не принимая того, что с ним происходит. Просто это кошмарный сон. Просто он в игре. Стбит выдержать все пытки, и он перейдёт на новый уровень – к свету, радуге и фейерверкам. К маме.

Лестница. Коридор. Двери с чёрными цифрами. Перед одной Ренат остановился, открыл и втолкнул внутрь Дениса. Сквозь чистые стёкла било солнце, освещающая местами облезлые дешёвые обои, древние, советских времён шкафы, выдавший лучшие времена квадратный стол, пенсионного вида тумбочки и аккуратно застеленные кровати. На Дениса уставились испуганные глаза ребят.

Девять парней примерно одного возраста одеты в тёмно-синие штаны и серые футболки. Ни одной живинки нельзя было обнаружить в их лицах. Затравленные взгляды и абсолютное молчание выдавливали из новичка последнюю надежду на *жизнь*. Здесь царила не жизнь – выживание.

– Деточки, – строго провозгласил Ренат, – десятым номером в ваших хоромах стал некто Enter. Гарюха,ознакомишь пацана с правилами существования и проследишь, чтоб он устав прочёл и вызубрил его до последней точки. А ты, Певунец... встать.

С кровати поднялся щуплый, обритый наголо парень с веснушками на белых щеках.

– А ты, Певунец, в «отходную» марш. Мусор выбросить забыл? Забыл. Скажешь Фуфайкину, что тебе пять «зелёных» полагается. Вон!

Веснушчатый Певунец пробежал мимо Дениса, наклонив голову. Ренат нарочито широко зевнул и вышел. Денис постоял возле стола, ожидая расспросов, но не дождался вообще никакой реакции. Тогда он поплёлся к свободной кровати и рухнул на неё. Стиснув голову руками, он повторял про себя: «Это гейм, это гейм. Выдержу – перескочу на следующий уровень. Надо просто стать на время Enter’ом, компьютерным персонажем».

Enter будет всё выполнять, чтобы Денис Лабутин мог вернуться к маме. Домой. Туда, где старый родной двор с качелями и рыжим мохнатым чау-чау. Как он хотел домой!.. Зажмурившись, Денис пытался отогнать от себя мрак происшедшего с ним, но... никак. Перед ним горело синеватым газовым пламенем круглое лицо в улыбке и мягких ямочках, смотревшее на него изучающе, как на подопытную мышь. А где-то позади, скрытый этим широким лицом, проявлялся едва-едва мамин образ – горестный, плачущий, зовущий. Денис изо всех сил стискивал веки, но ресницы, а потом и щёки всё равно намокали от слёз.

Кто-то тронул его за плечо. Денис вытер рукой солёную влажность и открыл глаза. Перед ним стоял парень чуть старше его, черноволосый, черноокий, нос горбинкой.

– Я Гарюха, – тихо сказал он. – Идём в учебку, будем разговаривать.

– Бить? – испуганно спросил Денис.

– Я же сказал: разговаривать, – повторил Гарюха. – Правила и устав учить. Не слышал распоряжение господина Махметова? Скорей давай, а то оба в карцер попадём.

– Куда? – пискнул Денис.

– В карцер. Глухой, что ли?

– Он про карцер только в книжках читал! – пояснил светло-русый паренёк.

– Заткнись, Букашка, – цыкнул Гарюха. – Не твоё дело. Разберёмся. А ты, Enter, сопли утри и вставай.

Денис послушался и побрёл за чернявым парнем. Они прошли до конца коридора. Гарюха открыл последнюю дверь. В небольшой комнате был минимум мебели: пара столов и несколько стульев у стены, шкаф без стёкол, на полках которого лежали простые карандаши, бумага и тонкие брошюры. Гарюха взял одну брошюру и протянул Денису.

– Это устав нашего интерната, – бесцветно сказал он. – Займи мозги и вызубри. За каждое нарушение следует наказание. Исполнители наказания – Велимир Тарасович Фуфайкин и Ренат Абдуллоевич Махметов. Вызубри все имена. Они в начале устава прописаны. Понял?

– Ну.

– Не «ну», а «да». За «ну» двадцать минут карцера полагается.

– Ну?! – непроизвольно удивился Денис.

– Ещё двадцать минут.

Гарюха подождал, не скажет ли новичок ещё какую-нибудь глупость, но тот промолчал. Открыл брошюру, с усилием сосредоточился на понимании читаемого текста.

Денис читал и удивлялся всё больше и больше: это был не устав, а сборник сплошных запретов, призванных обеспечить полное подчинение воспитанника начальству.

Глаза открывать по звонку в шесть тридцать утра.

Закрывать по звонку в одиннадцать вечера.

В окна не выглядывать, но мыть их раз в неделю по графику дежурств.

Сморкаться только в унитаз и раковину.

В общественных помещениях ходить в туфлях, в спальне – в тапочках.

Не читать запрещённые книги – список прилагается.

Не передавать записки родным.

Не выходить за ворота.

Не сбегать.
Не покупать.
Не хранить.
Не прыгать.
Не бегать.
Не играть.
Не дружить.
Не любить.
Не помогать.
Не плакать.
Не спать в неположенное время.
Не жаловаться.
Не есть тайно от других.
Не настаивать на свидании с родственниками.
Не отлынивать от работы и учёбы.
Не грубить.
Не возражать.
Не просить.
Не гулять по территории.
Не отвечать на вопрос воспитателя и учителя «Ну».

Денис чуть не присвистнул. Удержался только потому, что в этот миг узрел новый запрет: «Не свистеть». А рядом: «Не петь вне урока по музыке».

– И этот бред учить?!

– И этот бред учить, – подтвердил Гарюха. – А вякнешь где, что это бред, тебе такого захимичат, что таблица умножения бредом покажется.

Он помолчал, наблюдая за новичком, и внезапно спросил:

– Ты из виртоманов, что ли?

Денис вскинул голову:

– Чего?

– Виртоманы, – повторил Гарюха. – Те, кто не от наркоты, а от компьютера кайф ловят. Похоже, а? Оба управляют целым миром – только нереальным. И без этого кайфа жить не могут. Говорят, виртомания вообще не лечится.

Он сообщил это без эмоций, и Денис не понял, одобряет он «всякоманов» или порицает. Будто робот этот Гарюха.

– Enter – это твой никнейм? – поинтересовался Гарюха. – Ты в каком-нибудь клане состоишь? В Сети играешь?

Денис кивнул.

– Училка как-то про это прознала и меня так при всём классе назвала, – буркнул он.

Он с неожиданной тоской вспомнил о своём компьютере. Его ждали в виртуальном мире шутеры и файтинги, RPG-эшки и стратегии, а он тут завис! Ему нужен комп! Ему нужны его игры! Чтобы забыть о доме! Он с ума сойдёт в этом скучнейшем обрыдлом мире! Он замочит кого-нибудь с досады!

Денис вдруг понял, что сейчас тоска по игре вытеснила в его сердце тоску по маме. Попытался испугаться – не смог. Дали б ему сейчас комп и его игры – и дом для него исчез бы. Зачем ему дом, если в его распоряжении – МИРЫ!

– В «Контру» играешь? А во вторую «Доту»? А в «World of Tanks»? «ВКонтакте» сидишь? Или в Фейсбуке? Или в Твиттере? – сыпал вопросы Гарюха.

Денис в ответ время от времени кивал. Гарюха под конец тоже кивнул – словно окончательно понял всё про новичка.

– Ладно, хватит болтать. Устав давай учи. Проверю.

Он спрыгнул со стола, на котором сидел, скользнул на стул, к окну, отвернулся.

– Гадко мне, Гарюха, – прошептал Денис. – Помереть же можно...

Гарюха зевнул не оборачиваясь.

– Помереть можно. Валяй. Никто не запрещает. Некоторым даже выгодно.

Денис побаловался минуту этой мыслью. Помереть просто. Как в игре. Тебя убили – проиграл. Ты убил – выиграл. Грань между жизнью и смертью почти стёрлась. Как в стрелялке «Counter-Strike». Ты умер, но жив. И готов умирать снова и снова, потому что это лишь игра, в которой победителю достаётся переход на новый уровень, на новую высоту, где больше весёлого, захватывающего азарта, которого в жизни так не хватает...

Потому что в нормальной жизни разве испытываешь столько невероятных приключений? Разве создашь, например, целую цивилизацию с её историей, героями и злодеями, с её экономикой и политикой, чувствуя себя творцом и властелином вселенной? Какие там, после подобного звездопада красоты, власти и переживаний, противные уроки и домашние дела?! Тьфу на них! Жизнь – игра. Сыграй достойно и/или умри.

Денис будет и здесь играть в эту игру. Он должен выйти на новый уровень. Он победит. Если здесь нет компа и игр, он сделает всё, чтобы выбраться отсюда домой. Дома – смысл его существования: комп, дверь в иной, более прекрасный мир. Да... и мама. И даже отец. Пусть он забыл о сыне, но всё равно он есть. Иногда он может подкинуть чаду денег на игры. Если сильно его обрадовать или сильно достать. Второе вернее.

Запреты из устава интерната № 34 никак не учились наизусть. Память не на то натренирована. Всё, что касается игр – развития замков, прокачки героев, поиска артефактов, – хоть сейчас наизусть. А эти простые предложения с отрицательной частицей впереди – ну никак.

Гарюха сперва ждал. Когда надоело, принялся его натаскивать. Каждую фразу повторяли несколько раз. Одну вызубрили – учили вторую. Соединяли вместе. Оба от усердия вспотели, но у Дениса получалось плохо: в единый текст никак не складывалось.

Наконец терпеливый Гарюха не выдержал и всердцах пробурчал:

– Ну ты и тупой!!! Меньше надо было в комп пялиться, виртоман долбаный! Вот тебе Фуфайкин забалдычит! «Купальню» ты уже прошёл?

Дениса передёрнуло.

– Класс, да? – с удовлетворением произнёс Гарюха. – Кости враз вышибает.

– А как отсюда выйти? – с непривычной робостью спросил Денис и вперился взглядом в чистое окно.

Гарюха повернул голову и посмотрел туда же, не отвечая на вопрос. Так они сидели, молчали, изучали унылый вид из окна, пренебрегая уставом, и ни о чём особом не думали: Гарюхе не хотелось, а Денис устал. Он уже забыл, о чём спрашивал, когда его наставник сказал:

– Отсюда не выходят, парень. Отсюда выползают, расплющенные в слизнячке пятно.

– Почему? – по инерции спросил Денис.

– А кому мы нужны? – цинично процедил Гарюха. – Ну, может, как пушечное мясо тому, кому надо пасть врагу порвать. А ещё кому?

– Ну... родителям.

– Двадцать минут карцера за «ну». Итого час, – сосчитал Гарюха, а потом, через паузу, с усилием проговорил: – Родителей к нам уже не подпустят. Не понял разве? Им оторва без семьи нужна, чтоб суметь в нас залезть и нами повелевать. Про зомби слышал? Вот мы – потенциальные зомби. Только не в компе, а по-настоящему. Страшно? – усмехнулся Гарюха, вонзаясь в серые глаза Дениса чернотой своих глаз.

Денис поёжился.

– Непонятно, – признался он. – Это ещё переварить надо.

Гарюха встал со стула.

– Вари. Наше время кончилось. Щас Ренат придёт проверять, как ты устав знаешь. Не справишься – не позавидую.

Он вышел в коридор и плотно закрыл за собой дверь. Ничего не пожелал. Даже не попрощался. Ну и... не больно-то и надо было. Подумаешь! Не друг же. И не соратник из игрового клана. Хотя... соратник за здорово живёшь продаст, если ему выгодно. А друг... кто его знает? У Дениса Лабутина все друзья отошли в сторону, когда он открыл для себя виртуальный мир. В сказочном мире друзья без недостатков. И в социальной сети проще общаться даже с врагом... хотя какие у Дениса были враги? Чужие кланы – скорее не враги, а противники, которых надо убить как можно быстрее и изощрённее. А в жизни враг тот, кто мешает сесть за комп и погрузиться в игру.

Значит...

Ахнул про себя и застыл. Значит, враги – школа, секции... мама? Родная мама?!

Денис поскорее отогнал эту злосчастную мысль прочь. И вовремя. Дверь распахнулась и пустила Рената. Упитанный парень что-то дожёвывал на ходу. Не глядя на узника, он присел за стол, придвинул к себе брошюрку с текстом устава и зевнул:

– Слушаю тебя, отрок.

Его нарочито спокойный вид до того устрасил Дениса, что он сразу же затараторил бредовый текст бредовых запретов. Ренат выслушал, качая ногой в такт словам. Когда отзвучало последнее слово, встал.

– Теперь за мной, Сопля.

– Куда? – необдуманно спросил Денис и вжал голову в плечи: он нарушил один из идиотских запретов – не задавать вопросов старшим.

Ренат хмыкнул:

– Наука трудно вбивается в твою виртуальную голову, а, Сопля?

Денис зажмурился, ожидая тычка. Но Ренат вывел его в коридор без дальнейших угроз. Они прошли по коридору, по лестнице, опять по коридору и оказались перед дверью с табличкой «Воспитательская».

Внутри было сумрачно из-за тёмно-фиолетовых тяжёлых штор, задёрнутых почти полностью. За небольшим письменным столом сидел совершенно неприметного, неопасного вида мужчина и разглядывал что-то в лупу.

– Что, Велимир Тарасович, нового жука изучаешь? – поинтересовался Ренат и подтолкнул к столу Дениса.

– Занятный мир, Ренат Абдуллович, – вздохнул любитель энтомологии и взглянул на Дениса. – А это что?

– А это любопытный экземпляр. Прошу любить и жаловать.

– Что, уже провинился? Ай-яй-яй, – посетовал Велимир Тарасович. – Как же так, миленький...

Он достал из ящика большой канцелярский журнал и раскрыл на красочной детской закладке. Взял ручку, принялся писать.

– Звать-то как?

– Денис Лабутин, – сказал Ренат. – Кликуха Enter.

– En-ter, – повторил Велимир Тарасович. – Лет полных?

– Четырнадцать.

– Школа?

– Шестидесят восьмая.

– Провинность?

– Задал мне вопрос.

– У-у? В первый день? – изумился Велимир Тарасович, приподняв светлые кустистые брови. – Во даёт парень! Воспитывать надо строже, а, Enter?

Денис не отвечал. Он не мог понять, что за человек Велимир Тарасович Фуфайкин. Судя по разговору – вроде незлой... Весёлый где-то. Отчего ж его бояться? Под маской кролика прячется беспощадная гиена? Ну, триллер какой-то... Вернее, так: триллер продолжается и отщёлкивает оставшихся в живых. «Lost».

Велимир Тарасович хмыкнул:

– Разведчика из себя строишь? Одобряю. Внутренне. А внешне, понимаешь, парень, трудиться надо – воспитывать. Ренат Абдуллоевич, вы через полчаса зайдите.

– Без проблем, – обещал Ренат и вышел.

И они остались одни. Велимир Тарасович подмигнул Денису. Может, пронесёт? Может, помирует? Пальцем погрозит и отпустит. Денис попробовал улыбнуться. Получилось совсем неправдоподобно, и он вздохнул со всхлипом. Велимир Тарасович встал из-за стола, направился к Денису.

– Идём, сынок. Охо-хо, силёнки мои слабущие... Тут бы уж помоложе кого прислали...

Он привёл воспитанника в другую комнату с зелёными полосками жалюзи, обставленную шкафами с ящиками, парой столов, парой стульев и кушеткой. Фуфайкин показал Денису на коричневую медицинскую кушетку, ровно застеленную оранжевой резиновой клеёнкой.

– Чего? – пискнул Денис.

– Чего-чего, – улыбнулся Фуфайкин и снова сделал приглашающий жест. – Снимай рубашку, спускай штаны и ложись на живот.

– Укол, чё ли? – удивился Денис.

Фуфайкин усмешливо покачал головой.

– А что, уколов боишься? – прищурился внезапно, уже без улыбки.

– Немного, – признался Денис.

– Поня-атно, – протянул Велимир Тарасович, словно на заметку беря новую информацию. – Ну так ложись, милоч, ложись на живот. За вопрос старшему всего-то пять ударов вицей полагается.

– Чего? – слабым голосом переспросил Денис.

У него всё похолодело внутри. Велимир Тарасович шумно вздохнул.

– У, как с тобой становится трудно! Гляди, я скоро терпение потеряю – не обрадуешься. В раздражении я на Ганнибала похож. Видал такой фильм? У новичка есть, конечно, период привыкания или, правильнее сказать, тупизма, но у тебя он как-то шибко затянулся.

Он на пару секунд сдвинул и снова расправил свои светлые брови.

– Ложись, милоч, получай свои пять ударов и мотай на полдник, хватит тупить. А то отдельно добавлю, за нерасторопность.

Денис лёг, как ему был велено, зажмурился, вцепился в края кушетки.

– Давно бы так, милёнок ты мой ненаглядный, – довольно проворковал Фуфайкин. – Охо-хо, грехи твои тяжкие... Ну, с Богом, Enter. Смотри, не дёргайся, хуже будет – привяжу.

Денис услышал короткое «э-эх!», а следом ощутил такую резкую боль, что дёрнулся и заорал. Он не услышал окрика своего добродушного палача, вскочил и припечатал ладони к горящей спине.

– Не надо! А-а! Не надо!

Фуфайкин, ласково приговаривая что-то, сгрёб его в охапку, снова уложил на кушетку и привязал к ней широкими ремнями. Денис рвался, визжал, а Фуфайкин методично хлестал его и вслух считал удары.

– Семь, – сказал он с удовлетворением. – Два тебе за непослушание. И это мало. Цени мою доброту и хорошее отношение.

Он развязал жертву, сложил и убрал в один из многочисленных ящиков ремни.

– Ну, голубчик, вот и всё. А ты боялся. Иди теперь в медпункт, пусть тебя Гузель Маратовна полечит. Медпункт знаешь, где? Нет? Ну, Ренат Абдуллович проводит. Познакомишься. И это... кхм... ты, Enter, поскорее привыкай-то. Воспитание – дело ответственное, мы – люди ответственные, ты себе это в программу вставь – домик какой виртуальный себе понашлёпай, с овчаркой немецкой в будке, в котором ты себя правильному поведению учить будешь, чтоб нас не подвести. Усёк, малыш? – И он без паузы выкрикнул: – Ренат Абдуллович!

Через пару секунд дверь отворилась. Неторопливо вошёл Ренат.

– Что, готов? – спросил он и равнодушно обозрел распухшую от слёз физиономию Enter'a. – Пошли к мадам Гинзуле. Она тебе примочит твои царапины.

Enter удивился: а где его ноги? Они вообще есть? Он глянул вниз. Ух ты! Есть. Класс. Он двинул правой ногой.левой. Наблюдал, как шагают его ноги, словно во сне, со стороны.

– Обмяк мальчонка, – со знанием дела посочувствовал Фуфайкин. – Пусть Гузель ему эфедрин даст.

– Обойдётся, – зевнул Ренат.

Велимир Тарасович пощёлкал языком.

– Да ладно тебе, Ренат. Пожалей пацана: первый день же. И так досталось бедолаге.

– Воспитываем, Велимир Тарасович, воспитываем, – снова зевнул Ренат и вытолкал Enter'a в коридор.

Обошлось без лестниц: медпункт находился через две двери от «Воспитательской-эксекторской». Понятно, почему так близко...

Глава 11

«Блажной» Серафим Кедринский

В кабинете скучала, подперев щеку рукой и глядя в чистое окно, крупная смуглая черно-волосая женщина. Услышав шум в своих владениях, она подняла голову, и Денис увидел узкие чёрные глаза, коротковатый нос, под которым топорщились усики, полные щеки с несколькими родинками, красивые брови чёткой линии, видимо, выщипанные, и низкий лоб без единой морщинки.

– Приветствую, Гузель Маратовна, – поздоровался Ренат.

– Приветствую, приветствую, – высоким голосом ответила фельдшер. – Что это за бациллу ты мне притащил? Неужто новенького? Этого... как его... – она прищурила и без того узкие глаза, – Enter'a?

– Его, – кивнул Ренат.

– Читала, читала... Что, успел провиниться?

– Долго ли, Гузель Маратовна?

– Понятно... А устав-то читал?

– Вызубрил от слова до слова, – похвалил Ренат.

Фельдшер недоумённо поджала губы.

– Поперёк попер? – словно не веря, ахнула она и осуждающе покачала головой.

– Вопрос мне посмел задать, сопляк.

Будто плюнул. Зло на Enter'a посмотрел. А тот и не видел ничего. Дениса охватила чернота апатии, которая съедала все его мысли и ощущения.

– Ничего себе!

Гузель Маратовна Гинзула снова поджала губы. Скептически осмотрела бедолагу с ног до головы, как телёнка, выставленного на продажу.

– Давай показывай, чего смазывать, – велела она наконец.

Enter послушно задрал вверх рубашку и приспустил штаны. Он понадеялся, что фельдшер заахнет при виде рубцов, пожалеет его, заругает Рената и Фуфайкина, вернёт его домой, к маме, но женщина деловито намазала его чем-то щиплющим и машинально пробурчала: «До свадьбы заживёт». Денис, поойкав, утих, морщась страдальчески от пульсирующей в спине боли.

Неужто всё это на самом деле с ним происходит? Нет, он, наверное, попал в виртуальный мир. Это его рука утянула – та, что из монитора вылезла. И всё, что случилось после того – приход омбудсмена, ментов, школа, приезд в интернат, Гарюха, Пугинский, Фуфайкин, Гузель Маратовна – просто повороты очередной компьютерной игры – action RPG-эшки, а может, симулятора жизни русского интерната под названием «INTERNAT 3.0» или что-то вроде того. Только эта мысль и спасает от помешательства.

Ренат довёл Enter'a до спальни № 229, где того ждала отдельная койка вместо отдельной комнаты. Ребята не обратили на него внимания. Кто-то за столом делал уроки, кто-то читал книжку, кто-то сидел, сжавшись в комочек, кто-то лежал, изучая потолок или дремля. Гарюха занимался. Enter'у ни с кем не хотелось разговаривать. Он лёг, уткнувшись носом в подушку. Что теперь будет? Как он будет учиться? Во что одеваться? Где играть на компьютере? Будет ли это вообще возможно?

А как хочется... До дрожи в пальцах, до картинок в глазах, до ломоты в башке! Enter сжал в объятиях тощую комковатую подушку. Хотелось есть, пить, спать, играть в «Контру», или в «World of Warcraft», или в любой, даже старый квест... И увидеть маму. В ней – солнце. Всегда солнце, несмотря ни на что. А без солнца разве жизнь? Как и без компьютера.

Справа и слева от Enter'а на койках лежали соседи. Тот, что слева, тоже лежал на животе. Тот, что справа, – на спине.

– Максим, – позвал правый. – Максим!

– Я не Максим, – вздохнул левый. – Знаешь ведь – я Певунец.

– Почему Певунец? – шепнул Enter, приподняв голову.

– Пою много, – объяснил, услышав его вопрос, бритый веснушчатый пацан. – Всё время.

Не могу удержаться. Нифига меня не берёт, представляешь? А ты виртоман?

– Почему это? – почти обиделся Enter.

– Так ведь зазря Enter'ом не прозовут, – объяснил Певунец.

– Я Денис Лабутин, – сказал Enter.

– Ты про это забудь, – посоветовал Певунец. – Свои персональные данные в школе или на свиданке вспоминай – если повезёт, а тут не смей.

– Максим, – тихо позвал правый сосед, светло-русый паренёк с васильковыми глазами. – Ты как?

Певунец помолчал. Шевельнул лопаткой: отстань, мол.

– Фигово, Кедраш. Сам не знаешь, что ли? Чё пристал?

– Я не Кедраш, – спокойно возразил сосед. – Я Серафим Кедринский.

– За то и получаешь постоянно, – усмехнулся Певунец. – Тебе какая песня, как зваться?

Вот я – Максим Лехницкий, а меня Певунцом кличут. Мне пофигу. А ты чё ерепишься?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.